

Сергей Васильевич Самаров
Проверено: мин нет!
Серия «Спецназ ГРУ»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174350
Проверено: мин нет!; Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28392-7

Аннотация

Из войсковой части в Ставропольском крае похищены новейшие противовертолетные мины со всей технической документацией. За дерзким преступлением стоит главарь орудующей в Дагестане банды Нариман Омарасхабов, который планирует организовать дьявольский аукцион, чтобы продать украденное. Для поджога интереса к оружию Нариман демонстративно уничтожает с его помощью самолет – уникальные мины позволяют поражать не только вертолеты. Чтобы нейтрализовать зарвавшихся террористов, в Дагестан направляется отряд майора спецназа ГРУ Максима Голованова. Но отлично вооруженные боевики явно не собираются отдавать присвоенное смертоносное сокровище...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
1	10
2	16
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
1	24
2	30
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	37
1	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Самаров

Проверено: мин нет!

ПРОЛОГ

Русского человека в гражданском, да ещё в отутюженном костюме не каждый день встретишь в разведуправлении РОШ¹, и потому такой человек привлекает к себе особое внимание. Конечно, и майора спецназа ГРУ Максима Николаевича Голованова этот человек заинтересовал, как только он увидел его в коридоре. Но в разведуправлении, как во всей разведке, не принято спрашивать о незнакомых людях. А потом, через час, майора вызвали в кабинет, где его и дожидался этот человек в гражданском.

– Присаживайтесь, Максим Николаевич... – он внимательно посмотрел на Голованова. – Честно говоря, я думал, вы старше...

– Мне только недавно звание присвоили, – сознался майор.

– Да, я в курсе... Звание через звание, что в нынешние времена редкость... Из старших лейтенантов, не побывав капитаном, сразу в майоры... Такое в Отечественную войну, знаю, случалось... Потом – Гагарин полетел старшим лейтенантом, приземлился майором... За что, если не секрет?

– За выполнение боевого задания... – ответил майор.

– Я так и думал... – серьёзно сказал человек в гражданском.

– У нас почти всем в группе повысили звания... Правда, через звание, только одному...

– Да садитесь вы... Я хочу представиться – генерал-майор Федеральной службы, безопасности Судиславлев.

Голованов, только что облюбовавший стул, опять попытался встать, как и полагается перед генералом, но генерал сердито махнул рукой, приказывая сидеть.

– Меня зовут Владислав Аркадьевич, и, поскольку я в гражданской одежде хожу, называть меня можно по имени-отчеству, а не по званию. Понятно?

– Так точно, товарищ генерал... То есть, Владислав Аркадьевич...

Майор, было заметно, не привык, чтобы генералы обращались к нему на «вы» и вот так запросто говорили с ним. И потому слегка смущался.

– Здесь, в разведуправлении, мне рекомендовали именно вас с вашей группой, как людей, способных выполнить наше задание. Сложное задание... Признаюсь, я хотел задействовать прикомандированных из антитеррористического управления «Альфа», но наше дело посчитали не антитеррористическим и «альфовцев» мне не дали... Значит, будем с вами работать...

Майор молча ждал продолжения разговора, никак не реагируя на то, что его и посчитали слишком молодым, и вообще выбрали по принципу остаточности. В армии не принято на генералов обижаться. Генерал же вообще-то вопросов и не ждал, он просто с мыслями собирался, поскольку находился в лёгкой растерянности. Ему обещали выделить хороших специалистов из спецназа ГРУ, а прислали человека, который внешне совсем не производил впечатления человека решительного и жёсткого. Может быть, умного и вдумчивого, но умные и вдумчивые есть и в самом ФСБ, а для выполнения задания требуются именно решительные и жёсткие.

¹ РОШ – региональный штаб по проведению контртеррористической операции на Северном Кавказе.

Майор Голованов был среднего роста, круглощёкий, румяный, улыбчивый, с добрыми открытыми ярко-синими глазами и больше казался человеком, которому легко продиктовать чужую волю, чем жёстким боевым командиром отдельной мобильной офицерской группы. Он совсем не выглядел лидером, хотя характеристики и говорили о противоположном. Но за неимением лучшего выбирать не приходилось. Что выделили... Судиславлев не надеялся, что военные разведчики все свои дела бросят только ради того, чтобы помочь ФСБ в операции, которая военных не слишком-то и касается. У них свои плановые мероприятия, а это мероприятие, грубо говоря, сверхплановое, за которое если и похвалят, то похвалят сотрудников ФСБ...

– Ладно... Будем работать... – своим мыслям ответил генерал, и его чуть рассеянный взгляд стал сосредоточеннее. – Вы знакомы с обстановкой в Дагестане?

– Только в общих чертах... В тактическом, если можно так сказать, плане... Не в боевом...

– Не понял... – признался Судиславлев. – Что значит «в тактическом плане»?

– Это, товарищ... Это, Владислав Аркадьевич, значит, что горы там чуть-чуть другие... Тоже Кавказ, но не ёлками поросший, как в Чечне, а кустами, через которые не всегда проберёшься, и голову поднять возможности не имеешь, потому что тебя заметят... А вместо перевалов, которые здесь мы обучены преодолевать с ходу, там вертикальные скалы, по которым только скалолазам ползать... Но к Чечне мы быстро привыкли, можно и к Дагестану привыкнуть... Мы – народ обучаемый...

– Вы – это...

– Это спецназ ГРУ... У нас специфика службы такая: к любой обстановке следует приноровиться и в любой ситуации положено выжить... Легко адаптируемся и мимикрируем... Для этого проходим специальную подготовку...

Владислав Аркадьевич улыбнулся. Его такое мимикрирующее отношение к службе вполне устраивало...

* * *

– Практически каждый день в новостях мы слышим о происшествиях в Дагестане. В новости, я скажу точно, поступает только ограниченная часть данных сводок. В действительности говорить есть о чем, хотя пугать людей новой войной там тоже не следует. В настоящее время в Дагестане обстановку создают не политики, а криминалитет... Я, правда, в знании криминогенной обстановки не большой специалист, тем не менее вынужден изучать ее, поскольку она задела сферу моей деятельности... Так вот, начнём мы именно с криминала... Есть там один человек, имеющий за плечами два «срока», но никогда не претендовавший на роль уголовного авторитета... «Щипач», карманник то есть... – объяснял генерал.

Майор поднял брови.

– Карманник?...

Интонации спецназовца генералу не понравились, хотя и не вызвали удивления. В народе бытует обманчивое мнение о карманниках как о мелкой шпане. И только специалисты знают, что это не так. Вернее, не совсем так... И Владислав Аркадьевич попытался объяснить то, что сам знал, хотя в криминальных специальностях знатоком не был.

– Честно говоря, я точно так же, как, кажется, вы, считал раньше, что карманник – это просто мелкий воришка... Но мне растолковали специалисты, что в современном уголовном мире есть просто карманники, а есть «щипачи»... Карманников сейчас много, из молодых... Наглые и бездарные, к которым никто серьёзно не относится... А есть «щипачи»... Старая школа, виртуозы, если можно так сказать... У таких дневные заработки переваливают за заработки средней руки бизнесмена... И руки, как у музыканта... «Щипачи» на «зонах»

пользуются авторитетом, хотя на роль активных лидеров не претендуют. В лидеры сейчас бандиты выходят... Но это всё нюансы, имеющие к нашему вопросу лишь косвенное отношение... Только имя запомните – Расул Магометов или просто Расул Щипач... Пятидесяти четырёх лет... С ним будете работать... По нему то есть... Он у нас в разработке... Так вот...

Генерал поправил манжет рубашки, излишне высунувшийся из-под рукава пиджака, раскрыл перед собой папку с документами и заглянул в нее. Одновременно увидел на столе, который временно занимал, пепельницу и придвинул её ближе к майору.

– Можете курить...

– Спасибо, не курю, товарищ генерал...

– Никогда не курили? – В голосе Владислава Аркадьевича прозвучали нотки зависти.

– Только в школе... Баловался... В шестом, в седьмом классах... Потом спортом занимался, потом служба... Тоже курить не позволяет... В нашей службе, товарищ генерал, это важно. Я сейчас по ветру курящего человека за сто метров чувствую... Только по запаху... Это даже в городе... А в лесу дистанцию можно вдвое увеличивать, если ветер ровный...

Генерал хотел закурить сам, но после слов майора со вздохом отложил в сторону пачку суперлёгкого «Парламента» и аристократическую зажигалку «Ронсон».

– Так вот... – продолжил генерал. – Вору-карманнику, профессионалу, уже тридцать с лишним лет своим любимым делом занятому, менять квалификацию ни к чему. Обычно этого и не случается... Тем не менее мы столкнулись с исключением из общего правила... Причём с таким исключением, в которое не пожелали верить главные дагестанские криминальные эксперты... Полторы недели назад было совершено дерзкое нападение на канцелярию воинской части в Ставропольском крае... Нанесено увечье часовому, причём бандиты думали, что часовой убит, и только потому, кажется, не добились его. Была отключена сигнализация, причём отключена профессионально, тонко, были взломаны замки, вскрыт сейф – тоже профессионал высокого уровня работал, если судить по скорости, с которой он с замками справился, – и похищена документация на противозенитные мины... Причём нападение совершено не на склад вооружений, где мины хранятся, а на канцелярию...

– Это что такое? Извините, товарищ генерал, я...

– Не встречались? С противозенитными минами...

– Не доводилось, Владислав Аркадьевич...

– Новые разработки нашей военной науки. Есть такие и у американцев, но они у них никак не могут пройти стадию испытаний. Тридцатидвухпроцентная стабильность, максимум, чего они смогли добиться ²... Такая стабильность просто нерентабельна. У наших мин стабильность стопроцентная. Отказов пока не зарегистрировано. Есть только промахи, но это уже неопытность операторов...

– Интересно... – хмыкнул спецназовец.

– Продолжу... – Судиславлев сосредоточенно посмотрел в бумаги. – Похищена документация... Конкретная документация... Знали, что искать, нашли и не заинтересовались ничем другим... даже бухгалтерией и её сейфом... Хотя там, по правде говоря, почти ничего и не было... Мелочь, из-за которой взломщики не пошли бы на взлом, а на взлом они всегда идут по конкретной «наводке»... Как в нашем случае... Внешний часовой, случайно увидевший луч фонарика в окне, поднял тревогу, поспешил к канцелярии и застрелил одного из нападавших. Остальные скрылись вместе с похищенной документацией...

² За период с 2003 по 2006 год американцы дважды добивались на испытаниях такого результата. В целом результат ещё ниже, и пока не предвидится прогресса. Уже поднимается вопрос о прекращении финансирования проекта. Аналогичные проекты разрабатываются военными лабораториями Франции. Но там разработки находятся ещё в зачаточном состоянии. По некоторым данным, успешно опробованы и готовы к использованию противозенитные мины собственной разработки в армии Израиля.

– Американский след? – спросил майор Голованов с непонятной генералу лёгкой долей радости в голосе. Судиславлев слышал, что армейцы не любят американцев. И генерал поспешил разочаровать майора:

– Скорее всего, нет... Американцам не могут быть интересны такие документы. Это эксплуатационные инструкции, не раскрывающие технологии разработок... Американцев может интересовать только технологическая производственная документация. Туда у них доступа нет, насколько мне известно... Впрочем, это уже работа не моего отдела, и я не в курсе... Возможно, какие-то попытки и были, не знаю... Но, давайте, отвлекаться не будем... У нас след другой, конкретный, и нам следует его разрабатывать...

– Согласен, товарищ генерал...

– Часовым застрелен один человек. Бандиты отстреливались только из пистолетов, что с дистанции было неэффективно. Убитого пытались унести свои, но часовой продолжал обстрел, ранил ещё одного человека, ранил легко, и попытки вынести убитого бандиты оставили. Личность убитого опознать труда не составило. Это мелкий уголовник, имел четыре судимости за хулиганство, он не должен был оказаться в этом месте – не его профиль. Тем не менее он оказался. Родственники убитого дали показания, что он уехал помочь в каком-то деле своему старому знакомому Расулу Щипачу. Оперативные разработки позволили установить, что Щипач в настоящее время находится в родном селе, где у него имеется дом, хотя постоянно он проживал в Махачкале и только «на гастроли» выезжал в Москву и Питер. Ещё часто бывал в Ростове-на-Дону, это тоже сфера его деятельности. Поиск в селе дал неожиданные результаты. Оперативная группа, не готовая к каким-то активным боевым действиям, нарвалась на хорошо вооружённую банду и смогла покинуть село только с потерями. Тогда же через нашего осведомителя в селе удалось выяснить, что сам Расул Щипач имеет лёгкое пулевое ранение, полученное совсем недавно. То есть вполне вероятно, что ранение было получено во время похищения документации. Он своего друга выносил и получил пулю... Банду, орудующую в районе, возглавляет некий Нариман Омарасхабов, тоже бывший житель села, но покинувший эти места ещё ребёнком вместе с родителями. Приехал Омарасхабов вместе с Расулом Щипачом больше года назад из Махачкалы, прятал в селе сына от призыва в армию. Жил, предполагается, в доме Щипача... Позже организовал банду, на счету которой убийство двух милиционеров... Вот эта банда и встретила нашу оперативную группу...

– Так просто это дело, конечно, не оставили... – понял майор Голованов, хорошо знающий, чем подобные встречи заканчиваются. По крайней мере, чем они заканчиваются в Чечне, где Голованов участвовал в подобных мероприятиях уже несколько лет.

– Конечно... Была проведена войсковая операция. Банда настолько обнаглела, что сначала даже пыталась спецназу МВД противостоять, но «Витязь» в село, в общем-то, вошёл легко, потеряв одного человека и уничтожив троих бандитов. При этом миномётным обстрелом были повреждены два крайних дома. Операцию, казалось, можно было развивать... Но вот дальше началось что-то невообразимое. На улицы вывалили женщины и дети, дорогу перекрыли и не пропустили спецназ. Только через два часа «Витязю» удалось нормализовать обстановку среди мирного населения и провести стандартную «зачистку». Бандитов в селе, как вы понимаете, уже не нашли...

– Это всё знакомо, товарищ генерал. Раньше так же и в Чечне было... Несколько лет назад... Это время я еще застал... Чуть что-то не так идёт, сразу на улицу женщины и дети вываливают... И это посложнее открытого боя...

– Хорошо, что у вас есть опыт работы в подобных ситуациях, – констатировал генерал. – Мне об этом говорили... И вам этот опыт будет необходим... Я продолжаю... В ходе зачистки был произведён обыск в доме Расула Магометова. Было заметно, что дом покинут только что. Там же найдены следы перевязки: окровавленные и новые бинты, medica-

менты... По горячим следам был проведён поиск в окрестных горах. Поиск результатов не дал... Бандиты как сквозь землю провалились...

– Местных мужчин проверяли? – поинтересовался майор Голованов.

– А как их проверишь?

– Это просто, товарищ генерал. Только хорошие профессионалы в бою, во время перебежки, приклад держат у плеча. Некоторые для этого даже ремень автомата укорачивают. С коротким ремнём проще работать, меньше амплитуда колебания, быстрее начинается момент прицеливания, следовательно, скорее звучит выстрел... Большинство же, в том числе и солдаты, которые где-то на полигоне правильно стреляют, в бою предпочитают приклад в бицепс упирать. Боевики делают так почти все поголовно. Даже одного рожка достаточно, чтобы весь бицепс был в синяках. Отдача лупит... Проверить бицепсы, и сразу видно, кто только что стрелял...

– Я не в курсе... «Витязь», наверное, это умеет... Они операцию проводили... Парни опытные... Знают, что делают...

– Да, они должны были проверить... – согласился представитель одного спецназа, оценивая способности второго. Без пренебрежения сказал, даже уважительно, что вообще-то редко случается, особенно, если оценивает представитель лучшего российского подразделения спецназа.

– Постоянно гонять в село большие силы мы не можем. Осведомитель там есть, как я уже говорил, но ему не слишком доверяют, а он сам нам не слишком доверяет. Но всё же он сообщил, что Расул Щипач время от времени в селе появляется... А однажды даже появился в сопровождении Наримана Омарасхабова – это главарь банды, орудующей в окрестностях села. То есть банда орудует не в окрестностях, но сам главарь и несколько его ближайших помощников родом из села... И иногда там появляются...

– Я понял, Владислав Аркадьевич... Моя задача – захватить Расула Щипача, а если повезёт, и Наримана Омарасхабова...

– Вы удивительно догадливы... – вздохнул генерал. – Задача такая... Занять выжидательную позицию где-то неподалёку. И ждать сообщения, что Щипач пожаловал домой... В его городском доме, где жена и трое детей живут, устроена засада силами наших сотрудников. Но в городе нашим проще работать... В сельской местности нам без вас не обойтись... Задача осложняется временным ограничением. Согласно нашим данным какой-то человек из-за границы назначил Нариману Омарасхабову и Расулу Щипачу встречу через три недели в Баку... Из этого мы делаем вывод, что похищенные документы по-прежнему находятся у похитителей. Их, естественно, следует изъять... Но этого мало... Нам необходимо знать, кому и зачем понадобились эти документы. Но это уже задача другая, и решать её, возможно, будут другие люди...

– Эксплуатационные инструкции предполагают наличие предмета, который планируется эксплуатировать...

– Естественно... Но противозенитные мины пока были выпущены только в ограниченном количестве... Хотя были и поставки, дающие нам право подумать... Но это потом... Ваша задача ясна? Понимаете, чем вам следует заняться?

– Значит, будем разрабатывать план операции... – соглашаясь, кивнул Голованов.

– План уже практически разработан... Вам осталось только ознакомиться с материалами дела и с самим планом... Естественно, в соответствии с вашим опытом и возможностями вашей группы план следует подкорректировать... Вот здесь, – Владислав Аркадьевич перевернул в сторону собеседника папку с документами, которые прежде просматривал, – досье на Расула Щипача и досье на Наримана Омарасхабова. Фотографии даже не слишком старые, им всего два года... Часть документов с грифом «секретно»... Поэтому необходимо расписаться в получении... Дежурный сейчас принесёт журнал регистрации...

Генерал взялся за телефонную трубку аппарата внутренней связи. И не забыл в очередной раз поправить манжет рубашки, опять неровно высовывающийся из-под рукава пиджака...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

БТР чуть качнуло в яме на дороге – несколько недель назад, когда в селе шёл бой, мина от 50-миллиметрового ротного миномёта взорвалась на самом краю асфальтового полотна, и часть дороги просто в кювет съехало, сползло. Яма не слишком большая, хотя длинная, однако всё же чувствительная даже для такого крупного колеса, как у БТРа. И даже для всех четырёх колёс правой стороны, которые одно за другим яму преодолевали. Но машина дальше двинулась без остановки – сильная и уверенная, похожая на какое-то ископаемое хищное животное.

– Эх, дороги... – изрёк механик-водитель сакраментальную русскую фразу.

– Твоей-то машине... – возразил круглощёкий румяный майор с нарукавной эмблемой военной разведки, сидящий в кресле командира экипажа. – И на дороги жаловаться...

– Моей машине, товарищ майор, давно на пенсию пора... Это же ещё «семидесятка»... Одна из последних в армии, надеюсь... Того и гляди развалится... В прошлом месяце неделю на двух мостах вместо четырёх ездил... Один двигатель заклинило³... Думал, спишут технику... Нет, отремонтировали... Вкладыши заменили, коленвал старый оставили, даже шлифовать не стали и снова в работу... Так, наверное, до моей пенсии доездит...

До пенсии парню было немногим меньше сорока лет...

– С нами не доездит... – изрёк майор, и тон у него был многообещающим. – Тебе повезло... С нами все машины быстро списывают...

Технику для поездки им выделили только два часа назад, с солдатом-контракtnиком Алексеем Бутырским, «хозяином» БТРа, познакомились перед выездом, а со стрелком в башне и познакомиться не успели, потому что он со своего места не выбирался и за всю дорогу слова не промолвил. Но надежда на то, что стрелок в башне им достался не глухонемой, у спецназовцев всё же была...

* * *

Улицы села были пустынные и выметены осенним ветром, который здесь имеет преимущественное направление с гор в сторону долины, то есть вдоль улицы, и всё с неё сметает. Никто спецназовцев не встречал. Только где-то в дальнем конце длинной, поднимающейся косо по склону улицы удирал от БТРа на велосипеде, со всей возможной силой и скоростью нажимая на педали, мальчишка с голой смуглой спиной. Вроде бы не по сезону с голой спиной на велосипеде кататься – осень в середине. Но, похоже, просто рубашку надеть не успел... Таких мальчишек спецназовцы не любили, потому что бороться с ними было бесполезно. Не будешь же стрелять в пацана. А он так торопится наверняка не домой, его мама второпях послала куда-то туда, где есть мужчины, которые не хотят со спецназом встретиться. Увидела со склона, на котором дом стоит, въезжающий в село БТР, и сразу отправила.

³ БТР-70 в отличие от более современного БТР-80 имеет два бензиновых двигателя мощностью по 120 л.с., каждый из которых работает на две свои оси из четырёх: один на – первую и третью, второй – на вторую и четвёртую.

И мальчик начал с удовольствием демонстрировать свои спортивные способности. Он тоже знал, как и его мать, что ему в голую загорелую спину стрелять не будут...

Впрочем, здесь наверняка много таких мужчин, что встречи избегают. Всех их проверять не будешь, и всех их никогда не отловишь. Пока приходится отлавливать только тех, кто известен и кого точно есть, за что отлавливать. Таких тоже много, и чем дальше, тем оказывается больше. И чем это вызвано, аналитики пока сказать точно не могут. По крайней мере негласная война, кажется, и в Дагестане уже начинается так же, как начиналась когда-то в Чечне. Но если в Чечне во главу угла ставились какие-то политические цели и лозунги, здесь нет даже их. Здесь бал правил криминал, причём так уверенно и свирепо, так назойливо и демонстративно, что становилась ясной посторонняя заинтересованность в обострении обстановки в северокавказских республиках. Кто-то криминал финансировал, как когда-то финансировал сепаратистов в Чечне...

В дальний конец села, куда удалялся юный велосипедист с голой спиной, БТР ехать и не собирался. Он свернул направо в боковую улицу, оттуда налево ещё на одну идущую вдоль села, но уже не асфальтированную, хотя и с газонами, аккуратно отделёнными бетонным стандартным бордюром, и начал тормозить у двухэтажного большого кирпичного дома за металлическим крашеным забором.

– Приехали... – сказал круглощёкий майор Голованов в переговорное устройство.

Но слышали его только механик-водитель и стрелок в башне, потому что других членов экипажа внутреннее переговорное устройство БТРа не обслуживало, а свои штатные коротковолновые радиостанции, так называемые «подснежники», предназначенные для связи внутри группы на ограниченном несколькими километрами расстоянии, бойцы не включили из-за дорожного шума. У «подснежника» слишком чуткий и сильный микрофон, и вдребезжащем БТРе уши сразу плотно заполнятся грохотом. Тем не менее шестеро офицеров отдельной мобильной офицерской группы спецназа ГРУ по поведению машины поняли, что они уже у цели. Руки привычно легли на оружие, потому что в любую дверь при входе и выходе, находясь в «горячих точка», они привыкли сначала показывать ствол и только потом выходить сами.

Однако в этот раз и выйти никто не успел. Над металлическим забором, украшенным поверху затейливым орнаментом из витой проволоки, вдруг поднялись три головы, посмотрели на БТР, и следом на забор легли три автоматных ствола. Очереди раздались тут же. Нервные и бестолковые, потому что нанести урон бронированной машине автоматные пули никак не могли, и даже шины на колёсах БТРа были стандартные пулеустойчивые. Но стреляли непосредственно по крышкам стрелковых амбразур, надеясь с близкого расстояния выбить их. Однако и крышки были выполнены из прочной брони, и пули только рикошетили с коротким визгом, оставляя на металле всё же заметные вмятины и царапины.

Вообще такая стрельба была настолько глупым занятием, что не вызывала даже удивления. С таким же успехом можно было бы и попинать бронетранспортер, не нанеся ему вреда... И майор Голованов, даже на секунду не задумываясь, сразу понял, что здесь возможны только два варианта. Согласно первому у бандитов просто нервы не выдержали. Когда нервы у людей длительное время находятся в напряжении, они часто срываются, и спецназовцам с этим сталкиваться приходится регулярно. А согласно второму варианту бандиты просто выигрывали время, отвлекая внимание на себя, и прикрывали чей-то отход. Второй вариант майору нравился больше, и потому он принял решение.

– В ворота!.. Таран!.. – коротко приказал Голованов водителю.

Тот громко хмыкнул и сдал сначала назад, чтобы вписаться в радиус поворота и попасть не в забор, а именно в ворота. Потом со скрежетом переключилась сдвоенная коробка передач, и взревел на прогазовке двигатель. БТР рванул с места с натугой и резко. Майор дал вторую команду, теперь уже стрелку:

– Из пулемёта, прямо сквозь забор...

Башня немного развернулась, потому что бронетранспортёр уже сам начал разворот, по ходу и башню разворачивая, и по забору, пробивая его насквозь, тяжело ударили пули ПКТ⁴. Неосторожных стрелков, не рассчитывающих, что бронетранспортёр своим разворотом и башню развернёт так быстро, что они спрятаться не успеют, снесло с забора одной очередью. А БТР без всякого разгона уже таранил ворота, даже не заметив препятствия. Пусть и старая машина, но мощь свою она сохранила. Створки, видимо, надёжно закрытые изнутри, не распахнулись, а упали во двор, сорванные вместе с петлями, и тяжёлые колёса наехали на них, продавливая листовый металл. Но новые автоматные очереди ударили в боковую броню и в башню. Теперь били откуда-то из-за дома, из-за угла, коротко и хлётко, стреляли наверняка профессионалы. Механик-водитель тоже оказался человеком, знающим своё дело и сообразительным в боевой обстановке, и сразу встал так, чтобы дать возможность экипажу покинуть машину, прикрываясь бронёй и большими колёсами. Для того, чтобы пространство под поддоном не простреливалось, требовалось встать ни в коем случае не перпендикулярно направлению стрельбы, но занять определённую позицию с возможным разбросом всего в тридцать с небольшим градусов, тогда восемь колёс перекрывают весь сектор прострела и десантироваться можно свободно. Последним во двор выбрался майор Голованов. И не через командирский люк, а тоже через боковой люк для десантирования, для чего пришлось перебираться через собственное сиденье и переступать через рычаги управления трансмиссией. Офицеры группы уже сместились в стороны, готовые к перебежке через открытое пространство, как только десантирование закончится. Один, старший лейтенант Бахвалов, стрелял почти с пояса из-за заднего колеса БМП. Когда майор выбрался, Бахвалову начал помогать пулемёт, не позволяющий боевикам высунуться. Дверь люка захлопнулась с громким, похожим на выстрел звуком, и БТР тут же начал движение не по дорожке, которая заставила бы его повернуться перпендикулярно, а прямо через цветник и клумбу к дому, опять давая возможность спецназовцам пользоваться прикрытием брони. Едва машина достигла ближнего угла дома, разрезав простреливаемое пространство на две части, трое офицеров, предварительно дав несколько очередей за правый угол дома, побежали туда, старший лейтенант Бахвалов встал на колено и поднял автомат к левому плечу, чтобы контролировать левый угол, из-за которого сейчас уже никто не стрелял. Бахвалов левша и потому без напоминания знает, что этот угол «обслуживать» только ему⁵...

«Подснежники» разведчики включили сразу после десантирования и теперь имели возможность общаться.

– «Трёшкин», что там? – спросил майор у бойцов за правым углом.

– Никого... – отозвался капитан Трегубенков. – Смылись... Сад густой... Искать надо... Идём искать...

Майор сделал знак двум бойцам, стоящим рядом с ним наготове, показывая в сторону дома. Они сразу ринулись туда.

– «Славич»... За мной... – скомандовал Голованов старшему лейтенанту Бахвалову и первым побежал в обширный, густо заросший сад, расположенный за домом. Но углубиться под деревья, туда, где запах яблок, устойчивый здесь даже в середине осени, они не успели, ибо из другого угла двора, из-за кустов, а может быть, из-под кустов, филином ухнул мощный

⁴ Пулемёт Калашникова танковый, калибра 7,62 мм. Устанавливается на танках, БТР, БМП и другой бронетехнике. На БТРе установлен в паре с пулемётом КПВТ (крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый) калибра 14,5 мм.

⁵ Левша при стрельбе не тот, кто лучше работает левой рукой, а тот, кто при стрельбе прищуривает правый глаз. Если человек, прижимающий приклад к правому плечу, выходит из-за левого угла, он сам оказывается под обстрелом раньше, чем из-за угла покажется его ствол. Левша может стрелять до своего появления из-за угла и видит противника раньше, чем правша. Положение меняется на противоположное при преодолении правого угла. Коллиматорные прицелы дают возможность бойцу использовать оба плеча для приклада и смотреть обоими глазами, но российское армейское оружие такими прицелами пока не комплектуется в отличие от оружия США и ряда других стран.

гранатомёт РПГ-7 ⁶. БТР сразу загорелся. Граната угодила в двигательный отсек, наиболее слабо защищённое бронёй место. Такой пожар потушить невозможно...

Майор вместе с Бахваловым бросились назад, чтобы помочь механику-водителю и стрелку выбраться из бронетранспортёра, но Бахвалов на бегу успел от пояса дать короткую очередь в сторону, и Голованов увидел, как сползло с забора, разделяющего два двора, чьё-то тело. Майор не удивился, зная, что старший лейтенант из автомата навскидку в летящую птицу попадает – такой талант человеку дан. Но посмотреть, кто остался под забором лежать, времени не было.

Передний водительский люк открылся сам, но механик-водитель не лично пожелал выбраться, а высунул сначала рацию ⁷, отсоединённую от питания, потом стал и блок питания подавать, а после этого начал снимать антенну. Антенна крепилась в гнезде прочно и сниматься никак не желала, а из люка уже начал валить дым, мешающий механику-водителю дышать. Старший лейтенант Бахвалов контролировал ситуацию вокруг, поводя стволом вправо и влево, а майор Голованов помогал солдату. Принял рацию, принял аккумуляторную батарею, потом, не давая вытащить до конца антенну, которая уже начала было поддаваться усилиям, схватил механика-водителя за шиворот и вытащил из люка.

Одновременно с этим через верхний десантный люк выбрался стрелок, быстроглазый рыжий парень. С любопытством, а вовсе не с испугом огляделся.

– Мотаем отсюда... – крикнул даже весело, и для чего-то подпрыгнув. – Сейчас патроны шардахать начнут...

Механик-водитель всё же оказался во дворе, хотя всё ещё за антенну цеплялся, и вырвал-таки её из гнезда. Довольный усилиями, схватил рацию и первым побежал за угол дома. Майор с аккумуляторами устремился за ним, за майором – старший лейтенант со стрелком.

Когда начали рваться патроны, они еще не успели скрыться за углом. Обернулись все. Сначала только на звук... Горящий БТР трясло и подбрасывало, отчего дым начал валить не вверх, а в разные стороны, словно кто-то из шланга поливал дымом воздух.

– Классно! – ухмыльнулся весёлый рыжий стрелок. – Но это что, сейчас горючка жажнет... Срываемся...

Понимая это, и стрелок, и все остальные скрылись за углом. «Горючка» в самом деле вскоре «жахнула». Майор Голованов даже представил, как подбросил этот взрыв тяжёлый БТР, а окна в доме вылетели даже с противоположной стороны, там, где спецназовцы вместе с экипажем БТРа спрятались.

– Я – «Голован»... – сказал в микрофон «подснежника» майор Голованов. – Претензий у народа нет?

– Нет претензий, все живы... – ответил кто-то...

– Выползаем... – ответил второй голос. – В доме пусто...

Боеприпасы в БТРе взрываться перестали – запас их был всё-таки не бесконечен.

– Гляну на их потери... – сказал Бахвалов, дождался кивка командира и побежал сначала не туда, где стрелок БТР из пулемёта троих с забора снял, а в противоположный угол, где сам снял очередь человека с РПН-7.

– «Трёшкин»... прозвучала ещё одна команда. – Двор осмотреть... У забора...

– Понял, командир... Я уже здесь...

⁶ РПГ-7 – ручной противотанковый гранатомёт. Мощное оружие, в зависимости от заряда гранаты может эффективно работать и против бронетехники противника, и против живой силы.

⁷ На БТР-70 ставилась стандартная армейская рация Р-123, способная работать как от аккумуляторов бронетранспортёра, так и от походной аккумуляторной батареи. На современных БТРах ставится более совершенная и более надёжная рация Р-163-50У.

Капитан Трегубенков и без подсказок знал, что следует делать. У всех были свежи в памяти события трёхдневной давности, когда в Чечне один из двух оставленных за спиной вроде бы убитых боевиков пришёл в сознание, дал выстрел из «подствольника» в спину спецназовцам МВД. Повторять ситуацию никому не хотелось...

— Благополучно остывают... — через несколько минут сообщил капитан. — Все трое... Пулемётчик постарелся...

— Все вместе прочёсываем сад...

Сад был густой, но не такой уж большой, как казалось первоначально. Поиски, проведённые в высоком темпе, результатов не дали. Организовывать преследование было бесполезно хотя бы потому, что не известно, в какую сторону бежали обитатели дома...

Старший лейтенант Бахвалов, навестивший боевика, которого он удачно «снял» с забора, там же, под забором, нашёл небольшой тайник с оружием — два пулемёта с боезапасами, три автомата, ручные гранаты и гранаты к «подствольнику», и ещё заряды к РПГ-7. Причём заряды не только бронебойные, но и осколочные. Убитый боевик, если бы не подвели человека нервы и не заставили его в панике бежать, мог бы дать из своего угла ещё несколько выстрелов из гранатомёта в спину спецназовцам. Такие выстрелы могли бы оказаться губительными для группы...

* * *

— «Таганай», как слышишь? «Таганай»... — в очередной раз сделал вызов майор Голованов. И в очередной раз не услышал ответа. Капитан Рукавишников, возглавляющий вторую часть ОМОГ, где-то потерялся и отзываться не желал...

Майор вздохнул и оглянулся. Группа тоже ждала связи.

— «Подснежники» не достают... — Капитан Трегубенков помял пальцами головку своего микрофона, словно это могло помочь Рукавишникову услышать командира. — Горы здесь дурные... Кто знает, что там под землёй зарыто...

В горах всегда со связью нелады. Никогда не можешь знать, насколько она будет устойчивой, когда можешь на неё положиться, когда нет... Вроде бы и расстояние до остальных членов группы небольшое, чуть дальше двух километров, а связи нет. Единственное, когда на связь можно положиться, это при прямой видимости положиться. В условиях прямой видимости «подснежники» не подводят...

— Бутырский! — позвал майор механика-водителя. — Ты рацию зачем вытаскивал?

— На случай связи...

— Ты же не радист...

— А что с ней не работать... Ребёнок овладеет...

— Вот и овладевай... Подключайся и настраивайся... Связь нужна... — майор подтолкнул в плечо «Трёшкина». — Дом осматриваем внимательно... На случай обороны...

— Понял, командир... — кивнул капитан Трегубенков и первым шагнул за порог.

За ним молча последовали старший прапорщик Киршин с ручным пулемётом и прапорщик Денисов с «винторезом»⁸. Эта троица всегда предпочитает работать плечом к плечу, и, когда майор отдаёт приказ одному «Трёшкину», обычно автоматически подразумевается, что приказ звучит для всех троих. Голованов против существования мини-группы внутри своей группы не возражал, зная, как много значит в их деле сработанность.

— Пост со стороны улицы, — майор Голованов ткнул пальцем в бронежилет старшему лейтенанту Луковкину, потом точно так же в грудь старшему лейтенанту Сапожникову. — Пост со стороны сада... Ты же за боковыми заборами присматриваешь...

⁸ «Винторез» — снайперская бесшумная винтовка ВСС, калибр 9 мм, стреляет патронами СП-5 и СП-6 (бронебойными).

Старшие лейтенанты, молча кивнув, бегом направились в противоположные стороны.
– «Славич», перетаскивай в дом свой тайник... Сам нашёл, сам и перетаскивай... А ты помоги ему... Как тебя зовут? – на ходу поинтересовался майор у рыжего и весёлого стрелка с БТРа, который всё же оказался, кажется, не глухонемым.

– Рядовой Коновалов.

– Коней у нас не ваят... Зовут, спрашиваю, как... Имя тебе родители дали, или только фамилию?...

– Василий...

– Хорошее имя... Помогай, Василий, старшему лейтенанту. Ты без пулемёта остался... Там для тебя целых два нашлось...

* * *

Если исключить отсутствие внутренней связи между двумя частями ОМОГ, то операция пока развивалась успешно. Ну, если и не совсем успешно, то по крайней мере в соответствии с планом. Даже потеря БТРа планом предусматривалась. Оставалось ждать результата...

Результат пришёл неожиданно.

– «Таганай», не выражайся, пожалуйста, в эфире... – раздался голос в наушнике.

Голос капитана Трегубенкова выражал справедливое негодование.

– «Трешкин»! Ты его слышишь? – среагировав сразу, спросил майор.

– Слышу, командир... – отозвался Трегубенков. – Ты тоже, наверное, можешь услышать, если на дерево заберёшься... Не хочешь на дерево, поднимись на чердак... Да, наверное, дерево не поможет... Со второго этажа тоже слышно не было... Поднимись на чердак... «Таганай», говори, пока связь есть, командир идёт...

Голованов глянул, как старший лейтенант Бахвалов с рядовым Коноваловым тащат в дом ящик с зарядами для РПГ-7, одновременно повесив каждый себе на плечо по лишнему автомату, и поспешил в дом. На первом этаже старший прапорщик Киршин мощным плечом сдвигал от стены какие-то тяжёлые старинные резные шкафы, чтобы закрыть одно из окон. Дело полезное, потому что лишние амбразуры всегда подразумевают и возможность прострела помещения со стороны. На втором этаже никого не было, и майор быстро нашёл вертикальную лестницу на чердак. Там, на чердаке, прапорщик Денисов уже устраивал себе гнездо у слухового окна, из которого открывался вид на окрестности. Снайперская винтовка стояла здесь же, прислонённая к стене. Капитан Трегубенков стоял у окна в противоположной стене и закрывал второе ухо, чтобы лучше слышать наушник.

Майор Голованов потрогал свой наушник, но он молчал. Сделал шаг в направлении к Трегубенкову, и только после этого в ухе раздалось сначала лёгкое потрескивание, а потом и слабый голос Рукавишникова.

– ...шесть я пока насчитал... Одного раненым принесли... Раненого прибежали ещё двое встречать... Помогают нести... Значит, уже восемь полноценных бойцов... У них есть связь, пользуются «переговорками»... Знать бы волну, можно было бы прослушать... Жалко, язык их не знаю... И учить не хочу... – как обычно, слегка зло скорее рассказывал, чем докладывал, капитан Рукавишников, заместитель майора Голованова, получивший капитанские погоны тогда же, когда сам Голованов получил майорские.

– «Таганай», что там? – спросил майор.

– Появились... Как ты и предполагал, не с дороги, а с тропы... От огородов... Кусты такие густые, что рассмотреть их только сверху можно было бы... Летать я не умею... Потому вижу, матерь их, мало... Побрызгать бы напалмом, стало бы лучше видно... Такие кусты хорошо, бывает, горят... Ходят не в полный рост... Если голову поднимут, голову

увиджу... Но пока только ползают, как гады... Прячутся, хотя торопятся... Одно утешает – направление знаю...

– Остальные как?

Ещё три офицера, что вместе с капитаном Рукавишниковым занимались наблюдением, в эфир не выходили.

– Не слышно их?

– Не слышно...

– У них без новостей... Ничего не видно... Стоп... «Пушкин» докладывает... По дороге старенькая ярко-голубая «пятёрка» идёт... От соседнего села... Быстро, говорит, движется... Но... Обидно... Могла бы от скуки и к нам заехать... На развилке в сторону ушла...

– Тебе не видно?

– Мне вообще дорогу не видно... Я сижу, как Змей Горыныч, под камнем, свернувшись кольцами, обзор только в половину зарослей...

Укрытия для четверых наблюдателей копались два дня по ночам, в темноте, с соблюдением самых строгих норм конспирации. Но копались, как оказалось, не зря. Появился первый результат, и теперь осталось дожидаться второго, может быть, основного...

– Ладно, «Таганай», продолжай наблюдение. Оставляю на связи «Трёшкина». Я надеюсь, бандиты перегруппируются и всё же выйдут... Будьте готовы...

2

Идея выставить себя в качестве приманки принадлежала самому майору Голованову. «Рыбалка на живца» в боевых действиях применяется часто. И всегда такая операция считается чрезвычайно опасной. И, чтобы решиться на неё, надо не только мужеством обладать, необходимо еще уметь производить точный расчёт и быть уверенным в боевой подготовке основных участников. Иначе это будет ненужное жертвоприношение. Когда план наметился в общих чертах и просчитывали варианты, генерал-майор Судиславлев только головой качал – его предварительный план оказался группой Голованова полностью забракован, а новый план был, по мнению Владислава Аркадьевича, похож больше на заговор самоубийц. Тем не менее спецназовцы обсуждали детали здраво и уверенно, ничуть не сомневаясь в выполнении задачи и старались при этом предвидеть все возможные сбои. Во время боевых действий возможны любые случайности. Как, например, потеря связи... Вопрос потери связи тоже обсуждался, правда, только потери связи со штабом. Оказалось, что связь была неустойчивой внутри группы. Но и с этим можно было бороться. Село, где проводилась операция, находилось в зоне устойчивой сотовой связи, и всегда можно было воспользоваться сотовым или спутниковым телефоном. Но это только в крайнем случае, поскольку прослушивание переговоров по сотовому телефону организовать несложно, если только боевики имеют специалистов соответствующего профиля. Они имели специалиста, чтобы отключить сигнализацию в воинской части, когда забирались в канцелярию, они имели специалиста по взламыванию сейфов. И не было никакой гарантии, что они не найдут специалиста, который сможет подключиться к ретранслятору, расположенному неподалёку, чтобы контролировать разговоры. Подобный случай уже был зарегистрирован здесь же, в Дагестане, когда готовилось покушение на начальника районного уголовного розыска. Но тогда дело было районного уровня. Сейчас – намного выше. И ожидать можно всякого. Майор Голованов так и сказал генералу:

– Лучше, Владислав Аркадьевич, считать, что противник может гораздо больше, чем он может в действительности. Тогда меньше неприятностей может быть...

С этим не могли не согласиться ни генерал ФСБ, ни начальник разведки РОШа, который тоже принимал участие в обсуждении плана вместе со своим начальником оператив-

ного отдела. А начальник оперативного отдела был полностью на стороне спецназовцев, которые с ним работали уже не в первой операции, и, хотя и признавал наличие повышенного риска, тем не менее считал этот риск оправданным и не выходящим за те пресловутые сорок девять процентов, которые уже превращают любую операцию в авантюру. Впрочем, и авантюры часто дают положительный результат, если боевая подготовка участников с одной стороны намного превышает боевую подготовку участников со стороны противоположной. А здесь ситуация была как раз такая. В боевой подготовке с отдельными мобильными офицерскими группами спецназа ГРУ не могли сравниться никакие группы боевиков, как, впрочем, и бойцы других спецназов. И потому начальник разведки с подачи своего начальника оперативного отдела дал на операцию «добро»...

На случай связи по спутниковому телефону решено было использовать кодировочные таблицы и общаться только с помощью условных фраз. При этом общение необходимо было сделать предельно кратким...

* * *

Первый этап прошёл, можно сказать, успешно. Теперь оставалось ждать... Ждать, когда боевики придут в себя и когда местное население поднимется на их защиту. Главное, чтобы данные осведомителя, сообщившего, что боевиков в местном отряде не менее двадцати человек, оправдались. Если их меньше, операция может закончиться ничем. То есть введут в село войска, найдут базу боевиков, расположенную традиционно неподалёку. Найти её будет не так и сложно, поскольку наблюдатели группы Голованова уже приблизительно определили направление поиска. Но база будет уже пуста и, как обязательно бывает, заминирована. Возможно даже дистанционное управление взрывателем, и боевики, наблюдая с стороны, уничтожат собственную базу вместе с пожаловавшими туда федералами.

Ситуация складывалась парадоксальная. Если есть у боевиков большие силы, они потерпят поражение, может быть, даже погибнут. Если малые, то они могут выкрутиться из положения, несмотря на все усилия профессионалов-«волкодавов», желающих боевиков «задавить».

– Товарищ майор, есть связь со штабом... Я доложил о потере БТРа... – сказал механик-водитель, взявший на себя роль радиста. – Спрашивают, какую высылать помощь?

– С каким штабом? – не понял майор Голованов и потому спросил сердито, с откровенным недовольством.

Вот ещё одна непредвиденная ситуация – ненужная помощь со стороны, которая может сорвать всю операцию.

– С нашим... Со штабом полка...

– А мне эта связь зачем? Спроси, могут ли они соединить тебя с разведуправлением РОШа? Пусть там спросят и им объяснят... Сами пусть сюда соваться не думают...

Бутырский разговаривал со своим штабом, часто переключая трубку радиации от уха к уху. Должно быть, старая станция работала не слишком хорошо. Тем не менее работала, и уже это было хорошо. Такое дополнение к обговорённым средствам связи лишним быть не могло.

– «Голован», я – «Чеснок»... – от ворот доложил старший лейтенант Луковкин. – Люди на улицы выходят. Женщины с детьми. Мужчин нет... Только несколько стариков. Пока стоят около своих домов. Осматриваются... Скоро, похоже, начнут кучковаться...

– Продолжай наблюдение... – ответил Голованов. – «Каблук»... Что там у тебя?

Старший лейтенант Сапожников ответил сразу:

– Тишина... Я, понимаешь, за соседние заборы заглядывал. Там тоже тишина...

– Продолжай наблюдение. «Трёшкин»...

- Я, командир...
- Спустишься со своими, посмотри вместе с «Чесноком», чем можно ворота перекрыть...
- Может, их на место поставить?
- У тебя сварщика нет, и трансформатор ты дома забыл... Сделай какую-нибудь баррикаду... Этого хватит...

* * *

Баррикада была уже готова, когда старший лейтенант Луковкин снова доложил:

- «Голован», народ собрался... Минут через несколько, думаю, в нашу сторону двинут... Старики вышли со старыми шашками... Размахивают ими и на месте топчутся...
- Это народные танцы... Разжигают в себе боевой дух... Серёжа, как только подойдут, дай над головами очередь... Вплотную над головами, в опасной близости... Можно так, чтобы очередью в каком-нибудь доме напротив окно выбить... Смотри только, чтобы за окном никого не было... Это и страх, и озлобленность добавит... Потом сам зигзагами и спотыкаясь беги в сторону дома... Так беги, чтобы они тебя видели, чтобы видели твой испуг, и смеялись тебе в спину... Побудь минутку народным артистом... «Трёшкин», тёзку оставь у ворот, сам – в дом, к пулемёту пулемётчика, к гнезду снайпера... И связь поддерживай...

- Понял, командир...
- Поняли, командир...

Сценарий, расписанный майором Головановым совместно со своими бойцами, начал выполняться почти точно... В сценарии даже сабли в руках стариков предусматривались... Здесь шашки оказались, но это дела не меняло... В данном случае это не оружие, а только средства психологического воздействия на окружающих...

- Товарищ майор, – подал голос рядовой Бутырский. – РОШ запрашивает о ситуации...
- Кто запрашивает?
- Генерал-майор Судиславлев...
- Скажи, будет что сообщить, сообщу... Пока всё идёт по сценарию... Пусть держатся на связи, с волны не сходят...

Лишний раз посылать в эфир сообщение – лишняя возможность для кого-то прослушать разговор и понять, что происходит. Это правило Голованов хорошо знал и предпочитал всегда его придерживаться.

- У меня, товарищ майор, аккумулятор сядет. Аккумулятордохлый...
- Солдат показался непонятливым и даже надоедливым в такой ответственный момент.
- А тебе-то зачем держаться?... Ты отключайся... Они пусть держатся...

Голованов ответил резко, но без крика. Чтобы не отбить у парня охоты выполнять несвойственные ему функции. Это генерал виноват, что слишком любопытен. План предусматривает связь кодированными фразами, переданными через спутниковый телефон. Пусть и ждёт, и не лезет при первой возможности. Главный в этой операции не тот, кто за её успех ответственность несёт, как обычно любому начальству кажется. Главный всё равно – только исполнитель основных мероприятий. А исполнитель – майор Голованов.

- Понял, товарищ майор...

* * *

Толпа слишком долго настраивалась на активные действия. Дагестан пока не Чечня, где такие действия были многократно апробированы и отработаны, и опыт передавался из уст в уста. Здесь опыта ещё явно не хватает, хотя инцидент был здесь же, в селе... Но тогда угроза

существовала для всех, и все понимали, что при миномётном обстреле, который предпринял «Витязь», могли пострадать все, и два крайних дома, до сих пор полностью не восстановленные тому подтверждение. Жители за свои дома боялись. Сейчас они ещё не знали, что будет дальше. Кто-то, видимо, подталкивал их к активным действиям, но все помнили, чем подобная активность закончилась в прошлый раз. Может быть, уже ждали, что вот-вот на дороге появится войсковая колонна, и опять миномёты разрушат пару домов, а потом федералы начнут по домам беспредел творить. Беспределом местные жители считают любой обыск, любое изъятие оружия. И никак не желают понять, что боевой автомат, приобретённый на базаре, не может быть охотничьим ружьём, на которое тоже, кстати, разрешение следует иметь...

– «Чеснок», что там у тебя?

– Толкаются... Сначала мимо ворот один старик прошёл... Или горбатый или годами согбенный, на клюку опирался... Туда и сюда... Я ему автоматом погрозил, он мне – клюкой... Расстались мирно. Потом две женщины прогулялись. Тоже туда и сюда. Скоро начнут снова. Вижу, группа собирается человек в десять... Там есть, кому друг друга растравить... Два старика и женщины с детьми...

– А где же у них, понимаешь, все мужчины? – спросил со своего дальнего поста старший лейтенант Сапожников. – Всех мошь съела?

– «Каблук», как всегда, только о бабах и думает... – заметил сверху капитан Трегубенков.

– Я на чердак отправляюсь... – объявил Голованов.

– «Голован», – предложил старший лейтенант Бахвалов. – Я сменю, если не возражаешь, «Чеснока». Как только понадобится, могу дать провокационную очередь...

– Ты где? – спросил майор.

– На втором этаже. В окно смотрю... Один старик шашкой машет в ярости... Будет ближе, я ему шашку пулей переломлю... Он совсем очертенеет...

– Давай, «Славич», действуй... «Чеснок», слышишь?

– Понял, не возражаю...

Не использовать уникальные стрелковые способности старшего лейтенанта Бахвалова – просто грех. Никто не поверит, что он специально в клинок стрелял. Толпа подумает, что он стрелял в старика. Этим можно сразу двух зайцев убить. Во-первых, толпа разъярится... Во-вторых, толпа будет думать, что федералы на всё способны и могут стрелять по женщинам и детям. Это заставит их позвать не только своих мужчин, но и боевиков. То есть сделать то, что сделать было необходимо.

Чтобы лучше рассмотреть эффект после очереди старшего лейтенанта, майор Голованов не сразу на чердак поднялся, а застрял в большом окне второго этажа. Правда, сейчас окно стало уже не таким большим. Старший прапорщик Кишин откуда-то приволок два мешка с мукой и устроил из них на подоконнике бруствер – на первый мешок уложил несколько кирпичей в два ряда и сверху доску, а поверх доски ещё мешок. Получилась почти идеальная бойница. А мешки с мукой ничуть не хуже мешков с песком. Правда, мука высыпается быстрее, чем мокрый песок, но и её тоже намочить можно, чем старший прапорщик, кажется, и собрался заняться, потому что попался на лестнице навстречу майору с двумя ведрами. Мужчина с пустыми ведрами – это не женщина с теми же самыми предметами. В этом случае примета не срабатывает. И Голованов заспешил к окну...

* * *

Обстановка сверху в самом деле просматривалась намного лучше, чем снизу, и срочных дел, чтобы оставаться на первом этаже, у Голованова не осталось. И майор сразу затребовал:

– «Чеснок», если освободился, помоги нашему новому радисту поднять технику этажом выше. Пусть здесь будет, мало ли... Сам потом оборудуй огневую точку в подвале...

Через пару минут старший лейтенант Луковкин появился с рацией в руках. Солдат-контактник нёс аккумуляторную батарею и антенну, так и не вытащив соединения из гнезда. Как они только в проводах не запутались... Командир жестом показал, где Бутырскому устроиться.

– «Голова», я готов к цирку... – сообщил старший лейтенант Бахвалов.

– Кажи цирк, «Славич»... – разрешил Голованов, подходя к окну и разглядывая улицу поверх верхнего мешка с мукой.

Мешок был уже обильно полит водой и оттого стал липким и марким. Хотя старший прапорщик старался поливать только наружную сторону, куда может угодить пуля, вода и на внутреннюю попала. Но пулемёт в бойницу установить всё же удалось, не испачкав и не прилепив к мешку, и оружие уже мешало второму лицу следить за происходящим. Потому и пришлось смотреть сверху. Но необходимости прятаться пока не возникло. Хотя это «пока» слишком затянулось, и пора бы уже местным жителям проявить горячий горский темперамент.

Старший лейтенант Бахвалов, чтобы помочь им в этом, едва высунулся над созданной недавно баррикадой, поднял автомат и целился не дольше пары секунд. Голованов следил уже не за ним, а за местными жителями. Шестеро стариков встали в круг и притоптывали, шагая друг за другом. Шашка в руках переднего игриво поблёскивала на солнце, воинственно подпрыгивая в такт притоптываниям. Именно этот старик задавал ритм, которому вторили другие. Неугомонные мальчишки прыгали вокруг, но встать в круг к старикам не решались и радовались, непонятно чему. Дети здесь в отличие от Чечни, кажется, ещё не научились отличать настоящую войну от игры в войну и считали шестерых стариков народными героями. Седьмой старик, в самом деле то ли горбатый, то ли временем согбенный, стоял рядом с кругом и отбивал ритм посохом, как опытный капельмейстер. Все что-то дружно пели гортанными хриплыми голосами.

Раздалась короткая очередь – только в два патрона. И следом за ней ещё три очереди – в три патрона. Первой хватило для того, чтобы перебить почти посередине клинок шашки и оставить старика с обломком в руках. После других очередей раздался звон выбитых стёкол в соседнем доме. «Славич» знал, как стрелять. А майор Голованов не знал другого человека, который мог бы выполнить эту задачу так успешно, поскольку шашка ни на секунду не застыла в руке, и попасть в неё даже из снайперской винтовки было затруднительно.

Старик с обломком оружия застыл, не сразу сообразив, что случилось. Другие, кажется, сообразили быстрее, и круг распался. Но не рассеялась толпа. Вперёд выступили женщины, более агрессивные, чем старики, и прижали детей к себе. Какая-то женщина вопила благим матом, показывая на свой, должно быть, дом с разбитыми стёклами.

И эта толпа, живущая единым настроением, единым порывом гнева, придвинулась к бывшим воротам, ставшим баррикадой. Сначала неуверенно, на несколько шагов, словно бы пробуя. И, не услышав встречных выстрелов, тут же двинулась дальше, уже быстрее и увереннее.

Но при этом толпа так и двигалась по другой стороне улицы, не выходя на дорогу. И несколько раз то одна, то другая женщина бросала взгляд в сторону въезда в село – не

видно ли там других армейских машин. Настороженность среди местных жителей просматривалась очевидная, и требовалось пробудить большую ярость, чтобы эта настороженность уступила место возмущению. А потом, а потом всё должно пойти так, как и должно было пойти...

– «Славич»! Очередь над головами... – скомандовал майор. – Можешь ещё окно зацепить... Потом, как они двинутся, – бегом в дом... Не забудь испугаться...

– Я уже боюсь... – сказал старший лейтенант, поднимая автомат.

– «Пушкарь»... – теперь команда относилась к пулемётчику старшему прапорщику Киршину. – Приготовься... Смотри только, чтобы рикошетов не было...

– Земля не рикошетит... – отозвался Киршин. – Я их до газона могу подпустить...

– «Трёшкин», возьми пулемёт у стрелка Василия, подстрахуй «Пушкаря»...

– Понял... – с готовностью отозвался капитан Трегубенков.

Старший лейтенант Бахвалов меж тем начал стрелять с пояса, как только он один и мог стрелять – не прицеливаясь, тем не менее точно. Пули засвистели над головами толпы, и снова полетели стёкла из окон теперь уже другого дома.

Толпа дрогнула, колыхнулась, но секундная растерянность, как это часто случается, стремительно сменилась почти слепой яростью. И первой шагнула вперёд женщина, чьё лицо было полностью закрыто чёрным платком. Шагнула так, словно хотела собой остальных прикрыть, но остальные за ней двинулись.

Старший лейтенант дал ещё одну очередь над головами, шарахнулся вроде бы в сторону, потом оглянулся, ещё одну короткую очередь дал и побежал в дом. Он бежал так, как привык бежать под огнём противника, широко расставляя ноги и шаги делая не только вперёд, но и в стороны. Под огнём противника это был естественный бег, помогающий спрятаться от пули преследующего противника, а сейчас это походило на петляние убегающего зайца. Бахвалов достиг эффекта, которого добивался. Толпе показалось, что он испугался, и женщины, угрожая, подняли над головами кулаки.

Так женщины и баррикаду разобрали бы, и во двор бы вошли, если бы вдруг не заговорил пулемёт и не взрыхлил газон прямо под ногами у идущих. Старший прапорщик стрелял прицельно, но очень рискованно, как мог себе позволить стрелять только пулемётчик высокого класса. Только чуть-чуть бы рука дрогнула, и пули прошли бы по ногам впереди идущих в толпе женщин и по детским ногам. Женщины это почувствовали и одновременно почувствовали решимость пулемётчика. И отступили... Только один горбатый старик с клюкой вышел из толпы. Вернее, он не вышел, он просто остался на месте, когда толпа отступила, и продолжал при этом своей клюкой грозить. Клюка тряслась в трясущейся руке, тряслась задранная кверху седая борода. Старик не боялся, что, конечно же, заслуживало уважения.

– «Голован», он явно говорить хочет... – сделал вывод «Трёшкин». – Я выйду?

– Я сам выйду... – сказал майор. – Страхуйте по окнам... Кто-то может в окнах сидеть...

– Я видел человека за окном... Прячется... – сказал снайпер прапорщик Денисов.

– Присмотрись... Но на одном окне свет клином не сошёлся... Кругом смотрите... Поберегите командира... Он у вас здесь единственный... – Голованов отошёл от окна и двинулся к лестнице. – «Магистр»! Какое окно? Какой дом?

– Напротив налево второй. Второе от нас окно на втором этаже. Оранжевые шторы. Прячется за левой от нас шторой... Я смотрю в прицел. Есть впечатление, что там ствол мелькает... Человека пока не видно... Был бы тепловизор, я бы его сразу вычислил...

– С тепловизором мы бы здесь не сидели... – отозвался капитан Трегубенков. – С тепловизором мы бы уже знали, где у них нора... «Таганай» бы уже точно определил и место, и численный состав банды...

– Дайте мне двадцать тысяч баксов, – сказал майор, – куплю вам тепловизор... Будете ничуть не хуже американских солдат... Только солдат, не спецназовцев...

– У американцев в спецназе тепловизор на каждой винтовке... – заметил вдруг появившийся в эфире «Таганай». – И коллиматорный прицел, и лазерный дальномер...

– Живут же парни... – вздохнул Голованов, открывая входную дверь...

* * *

Горбатый старик даже к баррикаде подошёл. И так же продолжал клюкой махать и стучать и кричал что-то слабым своим, надтреснутым голосом, уже почти сорванным. Но остановился, когда увидел спускающегося с высокого крыльца майора Голованова, стал дожидаться, даже в своей уродливой фигуре соблюдая какую-то первозданную величественность.

Майор остановился напротив, рассматривая старика. Тот смотрел глаза в глаза, пронзительно и сердито, словно бы чувствуя своё превосходство.

– Что ты хотел, отец? – спросил, наконец, Голованов.

– Я с командиром хотел говорить... – старик ответил по-русски довольно чисто, только с небольшим акцентом.

– Я здесь командую. Майор Голованов, зовут меня Максим Николаевич... Что ты хотел мне сказать? Я слушаю...

Голованов специально разговаривал грубовато, и это требовал сценарий.

– Майор... – старика, видимо, смущал возраст командира спецназовцев. В его понимании майор должен быть постарше. – Зачем вы пришли сюда? Кто вас звал?

– Мы пришли сюда, чтобы захватить бандитов...

– Здесь нет бандитов... Здесь мирные жители...

– Которые стреляют по каждому проходящему БТРу, а потом и вовсе сжигают его? Не мы первые начали стрелять, отец, и не к нам претензии, а к твоим мирным жителям...

Довод старика чуть смутил. Но ненадолго. Он опять посохом тряхнул.

– Я воевал с сорок второго года по сорок пятый... У меня вся грудь в орденах...

– Я рад за тебя, отец... И вижу, что ты человек смелый. Только не пойму, зачем ты пришёл сюда. С тобой мы воевать не собираемся...

– Отдайте нам тела убитых... Мы похороним их по нашему обычаю сегодня же...

Майор Голованов хорошо знал обычай кавказских мусульман хоронить покойников в день смерти. И понимал, что этот вопрос будет теперь камнем преткновения, потому что уважительное отношение к своим покойникам у этих людей в крови, точно так же, как неуважительное отношение к покойникам врагов. Но ему и следовало найти камень преткновения. В сценарии такой поворот дела не обсуждался, там обсуждались другие, но этот вариант был ничуть не хуже, потому что задевал народные традиции. А народные традиции, как и адат⁹, всегда были на Кавказе святым делом.

– Невозможно... Это бандиты, их тела будут переданы в прокуратуру для опознания, а потом похоронены согласно закону об антитеррористической деятельности, в безымянной могиле без указания имён. Согласно тому же закону тела убитых террористов запрещено отдавать родственникам для захоронения...

– Уходите сами... Сейчас же... Быстрее сами уходите отсюда... Вас выпустят... – сказал старик. – И оставьте нам тела наших родственников...

⁹ Издревле почитаемый горцами кодекс чести, закон поведения настоящего мужчины. Включает в себя множество правил, значительная часть которых, такие, например, как кровная месть, противоречат законам ислама. Тем не менее адат продолжает оставаться сильным инструментом влияния на мужчин.

– «Голован», в окне снайпер... Приоткрывает створку, чтобы ствол высунуть... – доложил прапорщик Денисов.

– Мы не можем уйти... Ваши бандиты сожгли наш БТР вместе с рацией. Искать нас будут только завтра, потому что мы должны были вернуться сегодня вечером... До утра поиски никто предпринимать не будет... Завтра же сюда приедут следователи прокуратуры и заберут тела бандитов. До этого можешь, отец, не беспокоиться...

– «Голован»... – опять сообщил Денисов. – Снайпер берёт в сторону от тебя... Мне кажется, он хочет стрелять в старика...

– Спасай его... – сказал майор.

– Что? – переспросил старик.

Звук выстрела «винтореза» был почти не слышен. У «винтореза» отличный глушитель. По крайней мере он был слышен только тем, кто знает его звук. Большинство же не знало. Только звякнуло пробитое пулей стекло. И сразу раздался ещё один звук – выпала из окна винтовка и ударилась о бетонные отмостки дома.

– Тебя сейчас кто-то из бандитов хотел убить... – сказал Голованов. – Их снайпер приготвился стрелять в тебя... Мой снайпер тебя спас...

– Наш снайпер меня охранял... – возразил старик, оглядываясь. – Если бы ты захотел арестовать меня, он бы тебя убил...

– Разве ты стрелял в мой БТР? – спросил Голованов. – Если ты не стрелял в БТР, то мне не за что арестовывать тебя. Ваш бандит целился не в меня, а в тебя... Он хотел застрелить тебя, чтобы женщины с детьми бросились на пулемёт... Он и их хотел убить своим выстрелом...

– Что с нашим снайпером? – спросил старик сурово.

– Он остался за окном... Мы не будем забирать его... Пусть его похоронят родственники... Если они хоронят таких людей, а не выбрасывают на съедение волкам... Надо бы выбросить...

– Отдай наших покойников... Так требует наш сход... – повторил старик с угрозой.

– Закон для меня, отец, выше мнения вашего схода... Я действую согласно закону... Больше тебе нечего сказать своему спасителю?

– Ты пожалеешь об этом...

– И это ты говоришь своему спасителю? Ты неблагодарный старик... Уходи, пока тебя снова не подстрелили свои же... Уходи... И не приходи больше... Я не хочу разговаривать с неблагодарными людьми...

Старик стукнул посохом.

– Ты обманщик... – сказал он, повернулся, и, так и не выпрямившись, но всё же с гордым видом пошёл к женщинам в толпу...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

– Я, конечно, понимаю, что я полный идиот... – сказал майор Голованов в микрофон «подснежника», остановившись посреди комнаты на втором этаже, где бойцов собралось больше, чем в других комнатах дома. – Если бы их снайпер сам застрелил старика, боевики уже покинули бы свою нору и пришли бы сюда. Они искали причину, чтобы прийти, а я лишил их этой причины...

– Это уж точно, – отреагировал «Трешкин», и не понятно было, с чем он согласился – с тем ли, что майор идиот, или с тем, что после убийства старика боевики покинули бы свою нору, или с тем, что Голованов лишил боевиков причины нору покинуть.

– Но я не мог так вот взять и пожертвовать человеком, которого мог бы спасти... – добавил Голованов, оправдываясь. – Пусть это даже посторонний человек, пусть почти враг... Но не враг же... У старика, как он говорит, полная грудь военных наград... С сорок второго по сорок пятый воевал... Не мог я им пожертвовать... Не мог...

– Да и ладно, командир... – спокойно сказал издали капитан Рукавишников. – Я ещё здесь посижу, мне не в тягость... Здесь не дуёт...

Голованов не чувствовал осуждения со стороны бойцов своей группы, но сам понимал, что мог бы уже почти закончить операцию, а теперь не известно, чем ещё она закончится. Командование в данном случае может посчитать это непрофессионализмом. Но здесь вопрос упирался вовсе не в мнение командования, а исключительно в мироощущение самого Голованова. Он от своего мироощущения не отступил, повёл себя так, как должен был повести, а на остальное можно было махнуть рукой. И тем не менее перед своими бойцами майор, грубо говоря, отчитался.

– «Голован»... Вижу движение... Толпа негодует, горбатый негодует... Из дома, где сидел снайпер, женщина выбежала, волосы на себе рвёт... – меж тем доложил старший лейтенант Бахвалов, уже занявший позицию наблюдателя на чердаке, рядом со снайпером прапорщиком Денисовым. – И мальчишка винтовку снайпера подобрал...

– «Магистр», какая винтовка? – спросил Голованов у прапорщика.

– СВД¹⁰... Стандарт...

– Прицел разбить сможешь?

– Попробую... – раздумчиво сказал снайпер. – Боюсь, рикошет получится... Мальчишка всё-таки... Покалечит... Я попробую... Расстояние-то тоже детское...

– Гони... Аккуратно...

Голованов сам подошёл к окну, где была устроена пулемётная амбразура, и опять высунулся над мешками с мукой. Но ему видимость закрывали кусты во дворе того самого дома. Видны были только головы женщин на углу. Мальчишку же со снайперской винтовкой в руках вообще видно не было. Слабый звук выстрела майор услышал, но услышал и тут же раздавшийся крик. Сначала детский вскрик, потом крик женщины, потом крик многих женщин.

– Что там? – спросил Голованов.

– Теперь они считают, что мы стреляем в детей... – заметил старший лейтенант Бахвалов. – Мальчик приложил винтовку к плечу, целился в наш дом, не знаю, в кого... Саша стрелял в прицел под углом. Через прицел пуля попасть в мальчишку не могла, угол был слишком

¹⁰ СВД – снайперская винтовка Драгунова, штатное оружие в Российских вооружённых силах.

большим. Просто винтовку развернуло от удара, и прикладом мальчишке морду разворотило... Весь в крови... Кажется, зубы выбило... Народ шумит... «Пушкарь», готовься... Они идут...

Старший прапорщик Киршин рядом с майором Головановым сам принял позу поудобнее и пошевелил стволом пулемёта, пробуя подвижность ствола в амбразуре.

Голованов видел, как толпа перешла через дорогу. Решительная толпа... И мальчик с окровавленным лицом впереди... Очередь опять прочертила по земле ограничительную линию, взметая фонтанчики пыли предельно близко от ног идущих. Толпа заколебалась и остановилась было в нерешительности.

– Повтори для особо непонятливых... – потребовал Голованов.

Вторая очередь толпу остановила совсем...

Теперь разговоры пошли на высоких тонах, но не с федералами, а между собой. Толпа спорила. Но в споре, видимо, взяли верх те, кто хотел федералам «помочь», то есть пригласить боевиков для разговора с армейцами. Этого не все хотели, как понял Голованов. Но других вариантов, к счастью, не нашлось, потому что заградительные очереди всегда разговаривают очень даже убедительным языком, понятным даже тем, кто родным языком плохо владеет. Люди вдруг стали расходиться...

– Кажется, получилось... – сказал капитан Трегубенков.

– «Таганай», будь внимателен... Своих предупреди... Дело, похоже, скоро двинется с места... – сказал Голованов в микрофон «подснежника».

– Пора бы... – капитан Рукавишников показал, что он всё прекрасно слышит...

* * *

Ожидание, как обычно это бывает, казалось затянувшимся, хотя было вполне естественным. И майору Голованову казалось, что сейчас стоит, пожалуй, даже связаться с РОШем и доложить, что первая фаза операции успешно завершена. Она, наверное, и была завершена, но говорить об этом можно было только после того, как даст команду «старт» капитан Рукавишников. А он пока молчал.

– Это ты хорошо придумал, насчёт связи... – сказал командиру капитан Трегубенков.

– Что придумал? – не понял майор.

– Сказал старику, что у нас связи со своими нет...

– Это планом предусмотрено, – Голованов не хотел приписывать себе чужие заслуги. – Кажется, генерал Судиславлев дописал...

– А... То-то я не помню такого пункта... Мы это не обсуждали...

– После нас много обсуждали...

«Трёшкин сидел, вытянув ноги, прижавшись спиной к стене и обняв ладонями цевьё автомата, приклад которого зажал бёдрами. Майор ходил по комнате в ожидании и нетерпении. Каждый думал о своём, и произнесенные вслух фразы заставляли прервать ход своих мыслей и включаться в цепочку чужих. Это не всегда и не у всех сразу получается.

– Если бы я сказал, что вызвал подмогу, они из «норы» не выползли бы. Должно быть, сил у них всё же недостаточно... – объяснил Голованов. – Я вообще рассчитывал, что всё гораздо раньше начнётся. Не хотелось бы дело до ночи затягивать. Темнота бандитам в помощь, конечно, но ждать ночи и они не захотят...

– Почему, интересно? – с чердака спросил старший лейтенант Бахвалов. – Ночь для них – самое подходящее время...

– Старик наверняка хорошо мои слова запомнил и всем передал. А я сказал, что мы должны были вечером вернуться. И с утра нас будут искать... Одной ночи для решения всех

задач банде может не хватить, что тогда? Тогда уже их преследуют... И потому они захотят всё сделать как можно быстрее...

– «Голован»... Я – «Каблук»... – объявился старший лейтенант Сапожников, занимающий пост в саду и за всё время игр группы с толпой местных жителей не подавший голоса. – В соседнем саду кто-то на дерево лезет... Желает, понимаешь, на нас посмотреть... По одежде – местный житель. По фигуре – мальчишка... Но мальчишку могут просто послать...

– Дай очередь по кроне... Наблюдателя не сними...

Глухо прозвучала автоматная очередь из сада – листва хорошо глушила шум выстрелов. Но откуда-то издалека раздались вопли мальчишки.

– Я же говорил, в наблюдателя не попади...

– Я и не попал. Он, понимаешь, с перепугу с дерева свалился головой вниз...

– И что? Посмотреть можешь?

– Деревья мешают. Не вижу места жёсткой посадки. Но оттуда несколько приглушённых голосов доносится. Мальчишку уговаривают заткнуться...

– Боевики?

– Не могу утверждать...

– Займи место подальше от забора, ближе к дому... Чтобы обзор был шире. И другие заборы тоже... В соседние дворы... Контролируй... Их сверху плохо видно...

– Видно... – не согласился прапорщик Саша Денисов. – Я кровлю ножом в нескольких местах пробил... Можно наблюдать... Иногда хожу, наблюдаю...

– Смотрите... Они легки на помине... – сообщил Бахвалов. – Есть, боевики... Кто там скандал заказывал?

Голованов подошел к окну. Старший прапорщик Киршин принес из подвала ещё два мешка муки, один пристроил стоймя сбоку, второй сверху положил, сделав своё укрытие более высоким и тяжёлым, следовательно, плотным и пуленепробиваемым. И всё это с ещё большей основательностью водой полил. Даже дыры поверху проковырял, чтобы вода внутрь проникла и там образовала густое тесто. Мука во всех мешках слиплась и стала уже слегка подсыхать поверху. Но командиру смотреть в окно без подставки стало неудобно, и потому он просто отодвинул старшего прапорщика, чтобы смотреть в амбразуру вдоль ствола пулемёта, почти через прицел.

Два человека в «камуфляжке», но без оружия вышли на середину дороги, чтобы их было видно из дома. Они словно специально показывали, что без оружия пришли, хотя принять их за местных жителей было трудно. Местные мужчины, которые показываться пока не желали, тоже часто носят «камуфляж» и тоже не любят бритвенные приборы. И человек неопытный не сможет с первого взгляда отличить боевика от простого селянина. Но спецназовцы давно научились не столько видеть, сколько чувствовать противника. И сейчас все, кто видел пришедших, согласились с тем, что пришли боевики.

Мужчины так и стояли посреди дороги, ожидая, когда на них внимание обратят и хоть как-то отреагируют.

– На переговоры, что ли, зовут? – не понял майор Голованов.

– Могли бы хоть лапкой волосатой махнуть... – сказал прапорщик Денисов. – Поздоровались бы... Может, мы им в ответ тоже что-то сказали бы... «Голован», я через прицел смотрю... Физиономия старшего мне кажется знакомой...

– Память напряги... – посоветовал Голованов. – Мне отсюда лицо видно плохо...

– По-моему, это Нариман Омарасхабов... Собственной бандитской персоной... А с ним, вероятно, его младший сын... Старший сын у него в Москве, какой-то ресторан на ВВЦ держит...

Группа Голованова изучала досье и на Расула Щипача, и на Наримана Омарасхабова. Память у спецназовцев крепкая. Держит почти сотню фотографий людей, находящихся в розыске.

– И долго они так выпендриваться будут? – сказал капитан Трегубенков.

– «Таганай», я – «Голован»... Никого не видел? Никто из «норы» не выползал?

– Сидят тихо, мышки-норушки... – отозвался капитан Рукавишников. – Чувствуют, что лиса рядом бродит... Шаги слышат...

– Откуда тогда здесь взялся Омарасхабов? Он что, в селе был? Храбрый человек... Или это не он?... И что он стоит там, как памятник вождю всех народов...

– Мы здесь никого не видели... – повторил «Таганай» твёрдо.

– «Магистр», нарушь идиллию... проковыряй асфальт у их ног...

– Понял, командир...

Снайперу не надо было долго искать цель. Куда попала пуля, Голованову видно не было, но старший из двух мужчин вдруг смешно подпрыгнул и бросился в сторону. Но тут же остановился и замер в прежней невозмутимой позе. Младший, которому пуля не угрожала, пододвинулся к старшему.

– «Каблук»... – позвал майор старшего лейтенанта Сапожникова. – Нас, кажется, усиленно развлекают... Сам ведущий артист местного театра этим занялся... Знает, что его рожа должна внимание привлечь... Что там у тебя?

– Ничего, понимаешь, не вижу, но время от времени за забором какое-то движение ощущается. То ветка заскребёт, то гравий заскрипит.

– Я понял... Брось туда гранату... Потом очередь по забору... Там металл слабый... Его легко прошьёт...

Старший лейтенант недолго готовился к выполнению приказа. Взрыв раздался через тридцать секунд. Потом звучно застучали по забору пули. Металл рвался, судя по звуку, легко, следовательно, пули доставали кого-то неосторожного. Голованов, слушая, сам не отрывался от амбразуры и наблюдал за людьми перед домом на дороге. Сразу после взрыва мужчины переглянулись и заспешили в сторону.

– «Голован», я, кажется, кого-то наказал... Слышал стоны и убегающие шаги... Топ-топ сделали... Потом кусты сильно трещали. Раненого или убитого выносили. Я в ту сторону, понимаешь, очередь дал... Сквозь забор... И ещё вскрик был... Похоже, ещё кого-то достал...

– На любой звук за забором гранату бросай. После первого взрыва местные жители туда не сунутся. Сунутся только достойные... Переместиться не забыл?

После каждого броска гранаты через забор обязательно нужно перемещаться. Иначе кто-то может определить, с какого места была граната брошена, и ответить тем же.

– Обижаешь, командир...

* * *

– «Голован», я – «Таганай»... – раздался в наушнике голос капитана Рукавишникова. – Я рад за тебя, ты дождался-таки...

– Докладывай...

– Двенадцать человек, мать их, при автоматах, восемь из них в бронежилетах, два разовых гранатомёта «Муха», один РПГ-7... Тринадцатый тоже показывался – их провожал и вернулся в «нору»... У тринадцатого рука на перевязи, и он очень её бережёт – демонстративно второй рукой поддерживает. Издали не видно, но, похоже, морщится при этом. По описанию фигуры подходит под Расула Щипача... Напутствовал, что-то настойчиво втолковывая... Возвращаться в свой дом, видимо, думает только после вашего ухода...

– Сколько же их всего?... – скорее, сам себя, чем собеседника, спросил майор Голованов.

– Мне отсюда село не видно, считай сам... Мы готовимся... Как только двенадцать уйдут в село, мы двинем... Они заходить будут справа, со стороны дороги... Хотят, думаю, выставить пост. Боятся, что к нам подмога пожалует...

– Осторожнее, подходы могут быть заминированы... – предупредил майор.

– А вот это едва ли... Слишком близко к селу... Здесь минировать опасно... Почти все боевики местные... Своих детей поберегут...

Голованов уже слышал, что этим отличаются «норы» дагестанских боевиков от «нор» боевиков чеченских. Если в Чечне минировались все окрестности «нор», то в Дагестане минируют только внутри, на случай, если кто-то незваный пожалует в отсутствие хозяев. Но чеченские «норы», как правило, устраивались в глухих урочищах с трудными подходами. Дагестанские иные. Они обязательно находятся вблизи селения, обязательно рядом с дорогой, по которой могут привезти продукты, и, как правило, более благоустроенные. Во многие селения даже подводили газовую трубу, чтобы дым костра не выдал боевиков, и электричество.

– Действуй... Держи меня в курсе...

– Какой ты, командир, право, любопытный... Внизу может пропасть связь...

– А ты подпрыгивай, чтобы выше оказаться... – последнее слово командир всё же оставил за собой...

* * *

– Надо было мне Омарасхабова не пугать, а стрелять чуть выше... – сказал прапорщик Денисов. – Теперь проблем было бы меньше...

– Тогда вообще могло бы не быть проблем, кроме единственной – никто не пожелал бы нас убить... – сказал Голованов. – Омарасхабова мы оставим на закуску... Итак, исходя из сообщения стукача, в банде около двадцати боевиков. Четверых мы положили в самом начале. Одного они унесли раненым. Остаётся пятнадцать. Кого-то ранило гранатой, кого-то ранил выстрелом «Каблук». Остаётся тринадцать. А мы что имеем? Мы имеем двенадцать человек, вышедших из «норы», плюс два человека на дороге, плюс ещё кто-то за забором... Там раненых выносили, думается, не на своём горбу... По крайней мере ещё человек шестнадцать есть...

– Снайпер в окне... Мой «крестник»... – напомнил прапорщик Денисов.

– Да... Стукач сильно ошибался... Или подошло подкрепление... Во втором случае мы можем иметь против себя и более сильную группу. «Магистр», ты сразу занимай позицию справа... Основные силы подойдут оттуда. Старайся не подпустить к нам гранатомётчиков... Первый этаж, как там у вас?

– Я окна забаррикадировал всем, чем мог... – сообщил старший лейтенант Луковкин. – В подвале склад строительных материалов. Много рубероида. Рулоны плотные, их пуля не пробивает. Кому надо, рекомендую...

– «Славич», что наверху?

– «Магистр» устроил себе бойницы на все четыре стороны... Я подготовил гнездо для пулемёта и для гранатомёта... Неплохо было бы, если кто принёс бы мне остатки зарядов для РПГ-7... Они внизу в ящике... С красной отметиной можно не брать – это бронебойные... Там два таких... Остальные можно поднять...

– «Чеснок», пошли рядового Василия... Пусть отнесёт... Он чем у тебя занят?

– Пулемёт готовит...

– Успеет приготовить... Отправь его с гранатами на чердак...

– Понял...

– Бутырский, рацию включай... Теперь можно аккумуляторы не беречь... В новой твоей машине будет другая рация...

* * *

Майор Голованов из собственного опыта знал, как трудно бывает штурмовать каменный дом. Только месяц назад в одном из сёл Чечни трое бандитов не подпускали к дому федералов до тех пор, пока не подошёл танк и не расстрелял прямой наводкой слуховые окна в подвале. БТР, на котором группа Голованова прибыла, танковой огневой мощностью не обладал и даже спаренный пулемёт заменить танковую пушку не мог. Если бы бандиты не запаниковали и не ударились в бегство, они могли бы в этом доме укрыться и выдерживать длительную осаду спецназовцев.

Однако сами спецназовцы к панике склонности никогда не имели, в военном деле были профессионалами и хорошо знали, что смогут в каменном доме продержаться долго, поскольку танками боевики в Дагестане не обладают. А одними гранатомётами, опасными для того же БТРа, вопрос решить невозможно. Гранатомётом повредить дом можно, но невозможно погасить огневые точки. И даже будь бандитов в три раза больше, им всё равно не на что рассчитывать, и любые их попытки были бы только от неопытности и озлобленности, на что спецназовцы и рассчитывали, когда планировали свои действия...

* * *

– Товарищ майор, генерал Судиславлев на связи...

– Передай... Только слово в слово: «Бабушка наколола дров»...

Механик-водитель, ставший по совместительству радистом, передал генералу условную фразу, означающую, что вся предварительная подготовка прошла успешно.

– Тоже слово в слово: «Работники пошли в баню»...

Бутырский говорил в микрофон членораздельно и громко, чтобы ничего не осталось не понятым в обычном эфирном шуме, да ещё при передаче на старой, изношенной рации. Генерал, естественно, понял, что бандиты «нору» покинули.

– «Птицы сидят в гнёздах, ждут, когда в огороде никого не останется»... – продолжил Голованов сельскохозяйственной теме.

– Товарищ генерал говорит, что всё понял, – передал Бутырский ответ, и добавил уже ответную кодированную фразу: – «Филины ждут ночи».

– Ждём «филинов»... Могут уже вылетать...

Майор Голованов умышленного решил общаться с официальным руководителем операции через радиста, хотя первоначально планировалась организация прямой связи через спутниковый телефон. Но опыт общения с начальством рекомендовал командиру ОМОГ в боевой обстановке этого общения по возможности избегать, потому что начальство всегда желает знать подробности и не обладает терпением, чтобы дожидаться окончания операции, когда все подробности можно будет рассказывать без опасения быть подслушанным.

– «Голован», я – «Каблук»... – вышел на связь из сада старший лейтенант Сапожников.

– Слушаю тебя, Денис...

– За забором опять шевеление... Впечатление такое, будто сначала кто-то пробежал. Потом в одном месте кусты затрещали, через минуту – в другом.

– Я удивляюсь твоему мудрому терпению... – не понял майор ситуацию. – У тебя кончились гранаты?

– Нет, командир, гранатами я запасаюсь... Но тот, понимаешь, кто крадётся, так сильно не трещит. Это умышленно меня провоцируют...

– Определяют место... Я понял... Поставь в саду по сторонам от дорожки пару «рас-тяжек»... И гони в дом... Там подвальное окно выходит как раз в сад. Твоя позиция... Оттуда прострел возможен на все три забора...

– Понял... Гоню...

– Готовимся... «Магистр», «высоко сижу – далеко гляжу», видишь что-нибудь?...

– Что-нибудь – это только улица. Людей не видно... Даже местных жителей... Попрятались все. Ждут боя...

– Мы тоже ждём! – сказал майор Голованов...

2

Проверив первый и второй этажи и убедившись в том, что там всё уже приготовлено к затяжному оборонительному бою с численно превосходящим противником, майор Голованов поднялся на чердак, потому что ниже не всегда была устойчивой связь с группой капитана Рукавишникова. Вернее, связи со всей группой по-прежнему не было вообще, была только связь с самим «Таганаем», занимавшим позицию выше других бойцов. И уже Рукавишников передавал команды Голованова остальным. А вообще задача засадной группы была основной в операции, поскольку весь бой, который предстояло до глубокой ночи вести Голованову и его товарищам, был только для того и предназначен, чтобы обеспечить Рукавишникова возможностью действовать оперативно и свободно.

Конечно, и помимо связи командиру всегда следует находиться там, откуда открывается обзор на происходящее. А лучший обзор, естественно, должен быть с верхней точки. Но верхняя точка в то же время была и самой опасной, поскольку кирпичные стены дома защищали и от автоматных очередей и даже от выстрелов гранатомёта. А вот чердак такой защиты не предоставлял. Деревянная обрешётка кровли и тонкая металлочерепица, покрывающая обрешётку, пробивались даже ножом, не говоря уже о пулях. Правда, стоящие рядом трубы двух печей всё же могли служить защитой с двух сторон даже тогда, когда будет разрушена сама кровля. А она обязательно будет разрушена, причем быстро, потому что бандиты должны понимать, что с чердака стрелять по ним удобнее всего. И потому чердак следовало использовать по полной программе ещё до момента разрушения.

Здесь, на чердаке, хранилось много ненужного хлама и старой мебели. Удивление вызывало, как эту мебель затаскивали на чердак по узенькой лестнице. Но всё же как-то затащили, словно предвидели возможность эту мебель использовать.

– «Славич», «Магистр», за работу... – сразу скомандовал майор Голованов двум своим находящимся наверху бойцам и сам первым начал придвигать тяжёлый шкаф ближе к слуховому окну.

Мысль командира поняли. Шкаф не защитит от пуль и осколков с боковой стороны, но пули и осколки сюда попадать и не должны, потому что уровень стрелка тогда должен быть равным уровню мишени. Но если не выдержат обстрела стропила и кровля рухнет, она рухнет не на головы бойцов, а только на шкаф. Такой удар шкаф выдержит.

Второй шкаф, чуть полегче, старший лейтенант с прапорщиком передвинули вдвоём, а сверху положили ещё столешницу от растрескавшегося самодельного стола. И устроили таким образом своеобразную нишу, которая полностью защитила бы снайпера от обвала кровли.

Второе подобное сооружение за неимением подходящих подручных средств пришлось сделать более хлипким, тем не менее и оно давало какую-то защиту для второй огневой точки, которую устроил для себя старший лейтенант Александр Бахвалов. Бахвалов рядом с

окошком разложил осколочные заряды для гранатомёта РПГ-7 так, чтобы перезарядку тубы можно было производить как можно быстрее. Автомат пока лежал в стороне. Для старшего лейтенанта автомат – это оружие ближнего боя, в котором он промаха не даёт, не утруждая себя поднятием приклада к плечу. От пояса стрелять любят многие, насмотревшись фильмов. Но редко кто умеет это делать. Для такой стрельбы особый талант нужен, и старший лейтенант был награждён таким талантом...

– «Голован», – доложил капитан Рукавишников. – Здесь, похоже, всё успокоилось. Мы начинаем спускаться...

Майор подправил микрофон, во время работы сдвинувшийся в сторону.

– Сколько от вас до «норы»?

– А где «нора», подскажи...

– До зарослей... – поправился Голованов.

– Другое дело... Насколько я умею прикидывать на глазок, до зарослей около двухсот метров. А дальше – кто знает, сколько, дальше будем следы нюхать...

– Давайте, парни... Теперь всё от вас зависит... – напутствовал своих подчинённых майор...

* * *

Капитан Рукавишников покинул свой наблюдательный пункт первым.

– Смотрите внимательно... – предупредил он товарищей. – Я высоко сидел... Меня увидеть легче всех... Если будет реакция, начинаем работать. «Пушкин», прицелом пошарь по окрестностям...

– Только тем и занимаюсь... Даже на тебя тоже через прицел смотрел... – отозвался второй штатный снайпер группы старший лейтенант Лукоморьев.

– Спасибо, что винтовку с предохранителя не снял...

– А разве я не снял?... – удивился снайпер.

Рукавишников приподнял маскировочную жёлто-коричневую сетку, под цвет склона, на котором он сидел, и спрыгнул на нижнюю площадку, где замер в ожидании сигнала остальных наблюдателей.

– Мой сектор – спокойно... – сказал старший лейтенант Прокрустов.

– Дуй дальше – спокойно... – подтвердил капитан Сидоренков.

– Не хуже, чем у остальных... – дал свое заключение старший лейтенант Лукоморьев.

Дальше прыгать уже было некуда, дальше предстояло спускаться спокойно среди невысоких кустов, где вообще-то передвигаться лучше было бы ползком, но ползком вниз головой спускаться не слишком удобно, и ползать ногами вперёд можно только на очень ограниченном участке.

– Продолжайте наблюдение...

Рукавишников передвигался скачками, сразу преодолевая расстояние от куста до куста, от укрытия к укрытию и приседая при завершении прыжка. Так и добрался до широкой низины, сплошь покрытой такими же кустами, только гораздо более густыми.

– Мой сектор – спокойно... – сказал Прокрустов.

– Спокойно... – подтвердил Сидоренков.

– Спокойнее, чем у остальных... – дал следующее заключение Лукоморьев.

– Тогда все ко мне...

* * *

– А мне это не нравится, «Голован»... – сказал прапорщик Денисов командиру, уже спустившемуся во двор, чтобы посмотреть на баррикаду. Подумалось, можно ли за баррикадой засаду устроить.

– Сам вижу... – согласился майор Голованов. – Эффект вторичного снаряда ¹¹ обеспечен... Нет, не годится...

– Я не о том... Тут гораздо хуже дело...

– «Голован», поднимайся... – сказал и старший лейтенант Бахвалов.

Майор заспешил в дом, и сразу на чердак, где к одному окошку прилипли и прапорщик, и старший лейтенант. Причём смотрели в разные стороны.

– Опять женщины и дети... Теперь только стариков нет... – сказал Денисов.

– Старикам такая тактика показалась постыдной... – решил Бахвалов с откровенным презрением в голосе. – Кто шашку в руках держал, тот за юбкой прятаться не будет.

Голованов подошел к окну. Глянул в одну сторону, потом в другую. В одном конце улицы и в другом конце собиралось по толпе женщин и детей. Женщины, как сначала показалось, упирались, но их подгоняли какие-то люди с автоматами в руках. Затем они сами встали за их спинами. Но пока ещё не двигались.

– «Славич»... К своему окну... – распорядился майор Голованов. – Всем! Внимание сосредоточить на саде! Атака, очевидно, будет оттуда. Спереди две пары боевиков, если это боевики, а не так называемые мирные жители готовят толпу женщин с детьми. Старательно показывают, что будут за женщинами прятаться. «Магистр»! Работай по этим боевикам... Пора начинать...

Расстояние не требовало длительного прицеливания. Винтовка прапорщика Денисова высунулась из-за укрытия. Деловито и коротко прозвучали один за другим два выстрела, и тут же ствол перенацелился на другой конец улицы. Два новых выстрела сменились криками ярости и женскими воплями.

– Местные красавицы своих мужей оплакивают... Парни своих жён с детьми гоняли... – сказал прапорщик в спину командиру. Голованов не обернулся.

– Там в кустах шевеление... – заявил старший лейтенант Голованов и поднял гранатомёт.

– Поливай... – прозвучала команда.

РПГ-7 имеет звучный голос. От этого голоса кровля содрогнулась. А кусты, в которые граната попала, просто растерзало осколками. Как и двоих людей, что в кустах прятались. Третий, уцелевший только потому, что на пути осколков остался его товарищ, отскочил в сторону, но слишком далеко от забора и потому попал в поле зрения человека, прятавшегося за окном второго этажа. Пулемётная очередь прозвучала непривычно коротко, потому что обычно пулемётные очереди в отличие от автоматных бывают более длинными. Но тут же раздалась и длинная очередь, рвущая кусты в клочья и подсекающая крепкие стволы яблонь.

– Нормально... – сказал Голованов. – Кто так вовремя включился?

– Это рядовой Вася, – сообщил капитан Трегубенков. – Он твою заслуженную похвалу не слышит. Я передам... Вася, командир твоё поведение одобряет...

¹¹ Эффект вторичного снаряда – баррикада, бруствер, заграждение, сделанные из подручных легких материалов могут при попадании снаряда или гранаты сыграть роль вторичного снаряда, то есть, выброшенные взрывной волной, самостоятельно нанести увечье бойцу, спрятавшемуся за этой баррикадой.

Тем временем из соседнего сада в сторону дома убегал ещё один человек. Его тоже зацепила пуля. Но стрелок с БМП убегавшего заметил и сломал его новой очередью пополам.

Но тут же из разных мест соседних садов, окружающих дом с трёх сторон, раздались автоматные очереди. Громко выстрелил одноразовый гранатомёт «Муха», и содрогнулась стена дома. Содрогнулась, но выстояла...

– Отвечаем аккуратно. Демонстрируем желание поберечь патроны... – дал команду Голованов. – «Трёшкин», рядовому Васе объясни...

Пулемёт замолчал...

– Понятливый Вася... – одобрительно сказал Голованов.

– Вася убит... – тихо пояснил капитан Трегубенков. – Слишком увлёкся стрельбой, не сменил вовремя позицию...

* * *

Активная стрельба в селе казалась чем-то далёким и несерьёзным. Так всегда бывает, когда слышишь бой издали и пули не над тобой свистят. Перестрелка казалась далёкой. И только звучные выстрелы из гранатомёта напоминали четверым спецназовцам, что бой начинается нешуточный. Но этот же недалёкий бой одновременно помогал группе. Противник наверняка к звукам прислушивается, следовательно, не так внимательно относится к происходящему рядом...

Сами же спецназовцы умели отключаться от окружающих помех, когда следовало это сделать. Довольно быстро они нашли место, где бандиты выходили из села в кусты. Место неприметное, ничем, кажется, не отличающееся от всего окружающего, кроме трёх деревьев, растущих треугольником. Деревья какие-то южные, горные, и никто из офицеров не знал даже, как они называются. Но им и знать этого не надо было. Ориентир был замечен.

– Ещё десять шагов... – сказал капитан Рукавишников.

– Двенадцать или тринадцать... – серьёзно поправил его старший лейтенант Лукоморьев.

Капитан Сидоренков глянул на старлея с лёгким удивлением, не видя причины для спора. Он был новым человеком в группе, принимал участие всего лишь во второй операции и потому не привык ещё к постоянной пикировке двух офицеров. Старший лейтенант Прокрустов только тихо посмеивался.

Рукавишников отсчитал десять шагов, преодолевая их гусиным шагом. Точно так же передвигаясь, отсчитал тринадцать шагов старший лейтенант. Между ними оказались Прокрустов с Сидоренковым.

– И куда дальше? – спросил Лукоморьев.

– В кусты... – решил Рукавишников. – Бандиты уходили в кусты, помнится мне...

Но бандиты уходили, пригнувшись, кусты скрывали головы, и наблюдателям их становилось не видно. В то, что каждый член банды прекрасно ориентируется без компаса, верилось с трудом. Значит, должен быть хороший ориентир. Все четверо спецназовцев дружно приподняли головы.

– Туда... – четыре руки одновременно показали направление.

Ориентир здесь был единственный и самый удобный, потому что постороннему человеку он не может показаться ориентиром. Далеко впереди виднелась двуглавая гора с седлом посередине. С седла сползал каменный язык, формой напоминающий указательную стрелку. Не заметить такой ориентир трудно.

– Цепью... – как старший группы и как заместитель майора Голованова, командовал капитан Решетников. – Дистанция три метра...

– Три метра двадцать сантиметров... – поправил старший лейтенант Лукоморьев.

– Двадцать два сантиметра с половиной... – усмехнулся Решетников и пошёл первым.

Цепь раздвинулась. Шагов офицеров слышно не было. Здесь уже можно было не идти «гусиным» шагом, потому что кусты стали выше. Здесь можно было просто пригнать голову.

И уже через десять метров пути в наушниках раздался голос Лукоморьева:

– Я – «Пушкин»... Нашёл свежий след крови... Несколько капель... На листе... Раненого несли, кровь брызнула... Или ветка задела рану... Нет, скорее, брызнула... Капли не смазаны... А... Понял... Вижу след... Первый из носильщиков споткнулся, второй раненого к нему придавил, согнул, рана открылась, кровь брызнула...

– Нормально... Идём правильно... – согласился Решетников. – «Голован»... «Голован», слышишь меня?

Майор Голованов не отзывался.

– А ты покричи... – посоветовал Лукоморьев. – Здесь не так далеко... А глотка у тебя лужёная... Я помню, как ты когда-то взводом командовал... Кричи, не стесняйся...

– Там стреляют... Там не услышат... – по-своему пошутил старший лейтенант Прокустов. – И сильно же, подлюки, стреляют...

Стреляли в самом деле сильно. Настолько сильно, что всем четверым было ясно, что бандиты стараются не дать спецназовцам высунуться для ответного огня. И патронов не жалеют, как не жалеют дом Расула Магометова по прозвищу Щипач...

* * *

Первая потеря щемила грудь майора Голованова. Конечно, можно было бы обойтись и без помощи солдат. Эти солдаты – простые мотострелки и не имеют подготовки даже солдат-спецназовцев. И не имеют боевого опыта. Казалось бы, должен был пулемётчик понять, что длинные очереди точно указывают гнездо, из которого они исходят. Использовал пулемёт с пользой, и спрячься на время. Но здесь, видимо, сказалась специализация солдата-контрактника Василия Коновалова. Он был стрелком в башне БТРа. В бронированной башне БТРа. И его пулемёт встречных выстрелов не боялся. Так Коновалова учили, видимо. Но здесь не БТР, и учесть это должен был не рядовой Коновалов, а в первую очередь майор спецназа ГРУ Голованов, командующий группой. А он не учёл. Вот и результат...

– Магистр», «Славич»... – напомнил командир своим бойцам. – Внимательнее тут... Вскоре попробуют кровлю обрушить... Я вниз сбегая...

Кровлю и без того постоянно дырявили автоматами. И на голову сыпались крошки и щепки. Около лестницы майор обернулся. Прапорщик Денисов отодвинулся от стены, чтобы его не доставали пули, и пока отдыхал. Но с внешней стороны и так почти не стреляли. Вот со стороны противоположной чердак становился всё светлее и светлее, потому что добавлялись новые дыры и в стене, и в кровле. Старший лейтенант Бахвалов несколько раз выглядывал из окошка на долю секунды. Потом взял в руки подготовленный гранатомёт, быстро поднялся, и выпустил осколочный заряд в заранее определённую цель. И тут же снова спятался, даже не интересуясь результатом своего выстрела.

На лестнице на голову майору снова посыпался мусор. Очередная очередь прошила кровлю. Впечатление складывалось такое, что автоматчики ощупью отыскивали стропильные балки...

Рядового контрактной службы Василия Коновалова вынесли на середину комнаты. Капитан Трегубенков положил солдату ладонь на лицо. Он старался закрыть веки, которые никак не хотели закрываться. Майор Голованов остановился рядом, глядя на короткие рыжие волосы солдата. Почему-то вдруг вспомнился бодрый смешливый голос Коновалова, его

забавная манера подпрыгивать, и показалось, что Коновалов, которого они совсем почти не знали, был хорошим парнем.

– БТР взрывался, он смеялся... – грустным тоном вспомнил старший прапорщик Киришин.

– Был такой святой – Василий Великий, – вспомнил вдруг Голованов. – Этот Василий Великий делил всех людей на мух и пчёл. Говорил, что пчёлы и в дерьме мёд найдут, а мухи в золоте дерьмо ищут... Наш рядовой Василий был из пчёл... Он не унывал...

Дважды в одно и то же место в стене выстрелили из «подствольника».

– Стену проломить пытаются... – заметил старший прапорщик.

– Так объясни им, что стены ломать нехорошо... Строить – хорошо, а ломать – не надо...

Киришин хмыкнул, сдвинулся со своим пулемётом к окну, закрытому мешками с мукой, и, не высовывая полностью ствол, дал несколько очередей.

– Молодец, хорошо стреляешь... – сам же себя и похвалил. – Двоих «завалил»...

– Не перестарайся, а то стрелять в нас некому будет... – предупредил Голованов.

– А чего они лезут... Лежали бы...

– Вот и пусть лежат... – сказал капитан Трегубенков, отнимая руку от лица рядового Коновалова. Глаза, наконец, закрылись. – Пусть лежат, как рядовой Василий... И пусть им никто глаз не закроет... Сколько у нас времени до темноты?

– Ещё часа три... – ответил Голованов...

– В темноте мы их и положим всех...

– Мы всех положим только после того, как «Таганай» доложит об успешном завершении дела... А до того будет только вяло отстреливаться...

* * *

– «Таганай», что у тебя под ногой хрустит?... – насмешливо спросил старший лейтенант Лукоморьев. – Ослеп, что ли... Не видишь, куда ступаешь...

– Тихо... – прошептал Рукавишников. – Кто-то навстречу идёт... Торопится...

– Я – «Рюкзак»... На меня выходит... – тоже шёпотом сообщил капитан Сидоренков, готовя сапёрную лопатку. – По шагам слышу...

– Только живьём брать... – категоричным тоном заявил «Таганай». – «Рюкзак», ложись и согнись... «Пушкин» – твой захват...

– Понял, сработаю... – отозвался Лукоморьев.

– «Калач», мы с тобой страхуем его отход. По полукругу, быстрее вперёд...

– Уже пошёл... – отозвался старший лейтенант Прокрустов.

Такие мелочи, как захват противника, в группе были отработаны в разных вариантах, и все предварительные действия выполнялись почти автоматически. Капитан Сидоренков залёг прямо на предполагаемом пути неизвестного, причём даже автомат в сторону отложил, словно свою безоружность показывая, подогнул к животу колени и руки туда же спрятал, показывая, что он – лёгкая добыча. Всё так и получилось. Человек торопился, быстрым шагом, хотя и пригнувшись, шёл через кусты и заметил Сидоренкова, не подающего признаков жизни, метров с четырёх. Не остановился, но темп движения резко сбросил. А ещё через метр стал просто подкрадываться. Капитан чуть слышно простонал. Человек сначала остановился, замер, потом резко скакнул к автомату. Тут же со стороны вдруг выпрыгнул, откуда ни возмись, старший лейтенант Лукоморьев и одним ударом в горло уложил человека.

– Я – «Пушкин»... Дело сделано... Принимайте товар...

Капитан Рукавишников со старшим лейтенантом Прокрустовым моментально оказались рядом. Сел, почёсывая живот, и капитан Сидоренков. Он ещё и встать, и автомат подо-

братъ не успел, как пленник был связан и рот ему заткнули кляпом, сделанным из рукава его же рубахи. А когда отрывали рукав, из руки вывалился мобильник. Рукавишников поднял трубку. Стал нажимать кнопки, проверяя звонки.

– Так и есть... Курьер отправился к кому-то... Звонок был меньше пяти минут назад... А номерок-то, кажется, московский... По крайней мере семизначный... У нас семизначные номера в каких городах? Пять-шесть городов, не больше... От силы в десяти... Ладно... Разговаривали... Так... Мать вашу... Не здесь... Трубка незнакомая...

– Дай-ка я, неумеха... – протянул руку старший лейтенант Лукоморьев.

– Ах, вот... Нашёл... – капитан трофеем делиться не пожелал. – Разговаривали двадцать одну секунду... Что можно сказать за двадцать одну секунду? За двадцать одну секунду можно только сказать, что кого-то нет на месте... Поинтересоваться, кто звонит... И побежать с трубкой, чтобы выполнить приказ... Если трубка в руке, значит, этот чудик, мать его, бежал трубку отдать... Чтобы кто-то кому-то срочно позвонил...

С земли раздался стон.

– Пострадавший от неосторожного общения с чужим кулаком пришёл в себя... – заметил капитан Сидоренков.

Стон повторился. Это был не столько стон от боли, сколько от дискомфорта. Старший лейтенант Лукоморьев нанёс удар в горло. Даже просто, без кляпа, после такого удара дышать бывает тяжело... А уж с кляпом пострадавшему вообще кажется, что он задыхается. И все в этом случае забывают, что дышать можно прекрасно и одним носом, и зачем-то пытаются кляп разжевать.

Капитан Рукавишников наклонился над пленником, и отточенной до остроты бритвы малой сапёрной лопаткой почесал пленнику нос. Острая грань заточки блеснула перед глазами, предупреждая, что с несговорчивым человеком может случиться нехорошее.

– Ну что, бежал ты, олимпийский, мать твою, чемпион, куда? Будем говорить?

Пленник опять что-то промычал. Похоже, сильно возмутился тем, что его олимпийским чемпионом обозвали.

Чтобы слова казались более убедительными, капитан Сидоренков своей не менее острой лопаткой почесал пленнику горло. Мычание резко прекратилось, потому что при мычании горло слегка шевелилось, и острота лопатки чувствовалась.

– Так будем говорить-то, старина?... – опять спросил Рукавишников.

– Не пойму я, кто из вас глупее... – пожал плечами старший лейтенант Лукоморьев. – Как и что он тебе с кляпом во рту скажет... Дай ему возможность разжевать собственный рукав, потом дай водой запить то, что он проглотит, и только тогда он тебе ответит...

Пленник понял речь старшего лейтенанта и посмотрел на него, своего обидчика, почти с благодарной нежностью.

– Пусть учится глазами отвечать... Понял? Глазами... Если «да», то моргать надо...

Две лопатки так и продолжали почёсывать пленника. Ещё немного, и ему это могло бы уже понравиться, потому что жизнь в землянке или в бункере у любого может вызвать неудержимую страсть к почёсыванию.

– Так что, отвечать будешь?

Испуганные глаза в знак согласия мигнули.

– Если попробует кричать, руби ему, мать его, горло... – приказал Рукавишников Сидоренкову, и тот послушно поднял лопатку. А Рукавишников начал осторожно, чтобы слюнями не испачкаться, вытаскивать изо рта пленника кляп...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Под самой стеной дома разорвалась граната. Судя по звуку, РГД-5. Осколки прошеле-стели по стене и оборвали листву на кустах. Так получилось, что после взрыва никто не стрелял, и резкий шелест осколков был слышен. У РГД-5 осколки лёгкие, далеко не разле-таются и стены не проламывают. Больше звуком пугают. Ну и, кто рядом окажется, удоволь-ствия тоже не испытает... Но рядом, не укрытые стенами, могли оказаться только боевики.

– Умники... – усмехнулся капитан Трегубенков. – Гранаты бросают... Самих же оскол-ками покрошит... Ф-1, что ли, за окно уронить?

У гранаты Ф-1 убойная сила основательнее. Там корпус разрывается. И каждый такой осколок способен человеку голову снести.

– Рано ещё... Пусть постреляют... – распорядился майор Голованов. – Дом крепкий, стены толстые... Они и без того, похоже, уставать начали... И потери у них есть...

Со стороны сада раздался ещё один взрыв. Слышно было, как осколки звучно ударили в стену, кроша кирпичную кладку.

– Опять потери... – вздохнул майор. – «Растяжка» сработала... «Каблук» выставлял... Вот теперь уже Ф-1...

И тут же мощная взрывная сила ударила в мешки с мукой, выставленные в окне стар-шим прапорщиком Киршиным. Хорошо, сам Киршин в этот момент отошёл от амбразур и пулемёт отнёс. Иначе ему основательно досталось бы тяжёлыми отлетевшими мешками. По крайней мере, от муки пришлось бы отчищаться долго.

– РПГ-7... – прокомментировал выстрел Голованов. – «Мухи» у них уже кончились...

В ответ прозвучал ещё один созвучный выстрел. Это сверху, с чердака, ответил тем же оружием старший лейтенант Бахвалов.

– «Славич», как успехи? – спросил майор.

– Накрыл вместе с гранатомётом... РПГ у них тоже кончился... Не люблю, когда мне работать мешают...

– Мешки... – попросил старший прапорщик Киршин. – «Славич», подстрахуй нас... Дай окно залепить... А то из «подствольников» шмалять начнут...

Запасные мешки лежали в стороне. На восстановление бойницы ушло чуть больше минуты. За это время с чердака раздалась три короткие автоматные очереди.

– Я их только попугал... – доложил старший лейтенант. – Мог бы одного положить, да пожалел. Мало их осталось...

– Всё... Отстреливаться только в землю... – требовательным тоном поставил задачу Голованов. – Надо время тянуть... «Таганай» работает...

– «Таганай», «Таганай», слышишь меня? – спросил в микрофон капитан Трегубенков. «Таганай» не отзывался...

– Плохо жить на этом свете без связи... – вздохнул майор Голованов...

* * *

– Ну, так говори нам, олимпийский, мать твою, чемпион... Куда путь, дурак, держал? Лопатка в руках капитана поигрывала, как дубинка в руках милиционера, словно в дело просилась. И это производило впечатление.

– Эмира найти велели... – прохрипел пленник болезненным голосом.

– Кто велел?
Думал пленник долго, но всё же ответил:
– Щипач... Расул Магометов...
– А сам он где?
– С раненым сидит. Он сам ранен...
– А ты?
– А я повар... Я только повар... Я не воюю... Я только кормлю... Не убивайте меня... – взгляд с одной лопатки перебежал на другую. Но лопатки пока не опускались, продолжая угрожающе покачиваться в воздухе.
– Кто ещё с ними?
– Никого... Только двое...
– И что тебе Щипач велел сделать?
– Расулу кто-то позвонил... Расул меня послал к эмиру Нариману... Чтобы Нариман с этим человеком поговорил...
– Нариман Омарасхабов?
– Да... Он... Не убивайте меня... Я ни в кого не стрелял... Я только повар... Эмир велел в блиндаже сидеть и варить на всех... Я варил... Я повар... У меня даже оружия нет...
– Где блиндаж?
– Там... – глаза показывали куда-то за затылок.
– Подходы заминированы?
– Нет... Только внутри заминировано... Под порогом... На порог наступать нельзя... И на первую ступеньку...
– Веди нас...
– Меня эмир убьёт...
– Твоего эмира уже убили... Веди...
Пленник сначала прислушался к стихающей в селе стрельбе, но он, видимо, в самом деле был только повар и не умел читать ход боя по выстрелам, и потому вполне мог подумать, что с ослаблением активности бой подходит к завершению. Завершение могло быть в одну или в другую пользу. Но если даже здесь, в стороне от боя появились спецназовцы, значит, исход можно предсказать. И повар попытался встать, показывая свою готовность идти. Ему быстро сунули в рот кляп, чтобы не вовремя не пожелал издать предупреждающий сигнал, и развязали ноги. Однако конец верёвки, закрепленной на одной ноге, остался в руках капитана Рукавишникова.
– Веди, олимпийский, мать твою, чемпион... И не вприпрыжку, не козли... Чтобы тихо себя вёл... Иначе...
Лопатка покачалась в воздухе, готовая начать стремительное и опасное движение...

* * *

В атаку на здание никто не шёл. Намечалась обычная в подобных ситуациях позиционная война. Взять такие дома без потерь удаётся редко, а людских резервов банда, по сути дела, никаких не имела, и потому потеря каждого человека была для неё чувствительна.

Практика показывала, что захват кирпичных зданий может произойти только тогда, когда будут «погашены» все огневые точки противника. А погасить их можно только из орудий, к примеру, танковой пушкой. Конечно, можно и гранатомётом воспользоваться. Но РПГ-7 у бандитов не осталось, «Мухи» тоже кончились. Остались только подствольные гранатомёты с их неважной прицельной способностью. И простые автоматные очереди. Вдруг, да не успеет кто-то от пули спрятаться. Поэтому боевики заняли дистанцию и лениво постреливали. Спецназовцы же вообще не отвечали. Это создавало обманчивое впечатление, что

у них кончаются патроны. В такой ситуации боевикам было просто стыдно бросать начатое дело. Но и идти на откровенный штурм, пытаться дверь выбить и в здание проникнуть они не решались, хотя металлическая дверь едва-едва держалась после нескольких, следующих один за другим выстрелов из «подствольника». Но все знали, что стоит какой-то группе оказаться у двери или у стены, как откуда-нибудь вылетит граната и накроет всю группу.

– «Славич», – попросил майор Голованов. – Тебе сверху проще... Попробай вызвать «Таганая». Отсюда его точно не достать...

– «Таганай»... «Таганай»... – сразу начал вызывать старший лейтенант Бахвалов. – «Таганай», как слышишь? «Таганай»... Не слышит, командир...

– Он со склона спустился... И сейчас ниже нас по уровню... – подсказал капитан Трегубенков.

– А что у него за позывной такой странный? – спросил из подвала старший лейтенант Сапожников. – Что значит Таганай?

– Капитан родом из Златоуста. Там под городом гора такая есть... Чем-то знаменитая... Местная достопримечательность... – объяснил Голованов и посмотрел в щель за окном. – Не надумали бы наши друзья отступить... Могут «Таганая» помешать...

– Не-а... Не отступят... – с первого этажа возразил старший лейтенант Луковкин. – Их местные женщины попросили. Жёны и матери... Перед ними стыдно будет... Не отступят, если к нам подмога не подойдёт...

– А подмога подойдёт только тогда, когда «Таганай» даст сигнал... – сказал Трегубенков.

– Хоть бы «Пушкина» на склон загнал, что ли... – посетовал Голованов...

– Он бы нам в эфире стихи читал... – с чердака пошутил прапорщик Денисов. – Про Лукоморье и про кота... Всё веселее...

* * *

Старший лейтенант Лукоморьев стихи в эфире не читал. Группа в это время подкрадывалась к «норе» боевиков, контролируя каждый свой шаг. Не слишком умел ходить бесшумно повар, но теперь надобность в нём отпала. После двух высказанных шёпотом требований ступать тише повара для безопасности всё же положили на землю и снова ноги связали.

– Ты отдохни пока... Вздремни, мать твою... – посоветовал капитан Рукавишников.

– Только не здесь... – добавил старший лейтенант Лукоморьев. – Здесь ещё наступит кто-нибудь... Взяли...

– Разумно, – согласился Сидоренков и ухватился за связанные ноги.

Под руки, связанные не менее крепко, повара подхватили Лукоморьев и Прокрустов и отнесли его в сторону шагов на сто.

– Лежи здесь и не мешай людям спокойно работать, – вежливо попросил Лукоморьев. – А то мы можем про тебя забыть... Твоих парней перебьют, «нору» вашу взорвут, а про тебя забудут... Из вредности, из моей природной вредности... Будешь хорошо себя вести, я лоб поморщу и вспомню... Может быть, и сумею найти тебя в этих кустах...

Спецназовцы вернулись к Рукавишникову.

Здесь уже трава между кустами была более утоптанная и создавала некую видимость тропинки. Если раньше все боевики входили в кусты с разных мест, специально, чтобы тропу не вытоптать, то здесь они поневоле сходились ближе и траву всё же вытаптывали. Но заметить эти тропинки можно было разве что с вертолёта, да и то, если лететь медленно и над самой землёй. Или – если добраться сюда своим ходом... И ещё сломанные ветки кустов часто встречались.

Но теперь путь определить было несложно.

Шли не быстро, прислушиваясь к тишине. Но и тишина была относительной, потому что вдалеке время от времени постреливали, и нетренированному уху было не понятно, что в селе происходит. Но спецназовцы понимали: бандиты постреляли, потеряли часть людей и перешли к позиционному противостоянию. Теперь ищут момент, чтобы кто-то из засевших в доме бойцов оказался неаккуратным, тупым, неосторожным или пьяным и подставился. Но подставляться им никто не желает – не в том месте дураков ищут, и потому бандиты сами вызывают спецназовцев на провокацию – в окна и просто в стены постреливают. Надеются, что кто-то им пожелает ответить. Но это не стрельба... Это так... Для очистки совести и уничтожения патронов... В патронах у боевиков, видимо, недостатка нет, если так их транжирят... А если бы спецназовцы пожелали ответить, то ответ был бы быстрым и жёстким, и тогда уже трудно было бы кому-то уйти с места живым...

И такой ответ будет, только попозже, и будет он неожиданным...

Вход в блиндаж был неплохо замаскирован. Кусты вместе с пакетами земли, в которой корни держались, могли убираться с лаза, могли ставиться на место. Но ставятся они тогда, когда отсюда все уходят, и не менее трёх человек надо, чтобы провести полную маскировку. Сейчас лаз был открыт. Спецназовцы остановились рядом и выпрямились. Уже не от кого было прятаться. Только другое смущало. Повар говорил, что заминирован порог и первая ступенька за ним. В лазе вообще порога не было. А лестница была такая, что до второй ступеньки было не достать сверху ногой. Нужно быть акробатом, чтобы умудриться спуститься и не взорваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.